

Международно-политический кризис кануна Второй мировой войны

М. М. Наринский*

Подавляющее большинство российских и зарубежных исследователей согласно с тем, что основным фактором нарастания предвоенного международно-политического кризиса стала агрессивная политика нацистской Германии и ее союзников. Правители Третьего рейха выдвинули радикальные и далеко идущие планы территориальной экспансии и создания «нового европейского порядка» под эгидой Германии. Нарком иностранных дел М. М. Литвинов в ходе беседы с британским лордом-хранителем печати Э. Иденом в марте 1935 г. подчеркнул, что у СССР «нет ни малейших сомнений в германской агрессивности. Германская внешняя политика вдохновляется двумя основными идеями — идеей реванша и идеей господства в Европе»¹.

Союзниками (или потенциальными союзниками) Германии выступали фашистская Италия и императорская Япония. Блоку агрессоров противостояли державы — гаранты Версальско-Вашингтонской системы международных отношений — Великобритания и Франция. Однако в условиях эскалации агрессии они избрали проведение политики «умиротворения» — политики уступок фашистским агрессорам в стремлении избежать новой большой войны. Особую роль в расстановке сил на международной арене играл Советский Союз, стремившийся отстаивать свои собственные интересы. Выжидательную позицию занимали Соединенные Штаты Америки, склонявшиеся к поддержке англо-французского блока².

Сложившаяся расстановка сил на международной арене обусловила процесс нарастания кризиса Версальско-Вашингтонской системы международных отношений³.

В этой ситуации советское руководство стремилось предотвратить формирование антисовет-

ской коалиции, избежать угрозы большого военного конфликта с участием СССР, добивалось создания выгодной для себя системы коллективной безопасности в Европе, последовательно работало над укреплением внешнеполитических позиций СССР, осуществляя контакты с различными потенциальными партнерами. Москва стремилась обеспечить себе максимальные возможности для внешнеполитического маневра.

Основной целью польской внешней политики являлось укрепление международных позиций страны. Теоретически Варшава оставалась на позициях «равноудаленности» между Берлином и Москвой, однако стремление решить свои собственные проблемы подталкивало Польшу к сближению с Германией. Как отмечают польские авторы, «minister Beck considered that in spite of cooperation with the Third Reich, which was anyway kept within defined limits, it was possible to maintain proper or even good relations with the USSR»⁴ («министр Бек полагал, что, несмотря на сотрудничество с Третьим рейхом, которое, впрочем, осуществлялось в определенных границах, возможно было сохранять надлежащие или даже хорошие отношения с СССР»). В действительности, отношения между Советским Союзом и Польшей во второй половине тридцатых годов неуклонно ухудшались. Полпред в Варшаве Я. Давтян писал в Москву в мае 1937 г.: «Подводя вкратце итог нашим отношениям с поляками, приходится отмечать их дальнейшее ухудшение. При полном отсутствии каких-либо положительных фактов, мы имеем ряд моментов обратного порядка: исключительно враждебное отношение польской прессы к нам, полный зажим нашего культурного проникновения, ухудшение торговых отношений и т. д.»⁵.

Важной вехой в развитии предвоенного международно-политического кризиса стал аншлюс

* **Михаил Матвеевич Наринский** — доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой международных отношений и внешней политики России МГИМО (У) МИД России.

Австрии, который был осуществлен нацистской Германией 11–12 марта 1938 г. Советское руководство оценило всю важность и опасность этой акции. Нарком М. М. Литвинов 14 марта направил записку в политбюро ЦК ВКП(б), в которой отмечал: «Захват Австрии представляется величайшим событием после мировой войны, чреватый величайшими опасностями и не в последнюю очередь для нашего Союза»⁶. Аншлюс Австрии означал важный этап крушения Версальского порядка, его слома силовыми методами.

Советская позиция была четко обозначена в интервью наркома Литвинова представителям печати от 17 марта. Оно прозвучало страстным призывом к организации коллективного, с участием СССР, отпора наращиванию агрессии. «Завтра может быть уже поздно, — подчеркнул Литвинов, — но сегодня время для этого еще не прошло, если все государства, в особенности великие державы, займут твердую недвусмысленную позицию в отношении проблемы коллективного спасения мира»⁷. Литвинов предложил срочно организовать обсуждение актуальных европейских проблем всеми заинтересованными государствами. Однако это предложение не встретило отклика. Сам нарком дал глубокую и в чем-то пророческую оценку своего заявления в письме полпреду в Чехословакии С. С. Александровскому: «Моя декларация является, вероятно, последним призывом к Европе о сотрудничестве, после чего мы зайдем, по-видимому, позицию малой заинтересованности дальнейшим развитием дел в Европе, независимо от дальнейшей судьбы Чехословакии»⁸.

По мнению руководства наркомата иностранных дел (НКВД), аншлюс Австрии заметно усилил позиции Германии в Европе и ухудшил положение Чехословакии. М. М. Литвинов отмечал, что он всегда рассматривал австрийский и чехословацкий вопросы как единую проблему — «изнасилование Чехословакии было бы началом аншлюса, точно так же как гитлеризация Австрии предрешила судьбу Чехословакии»⁹. По его мнению, аншлюс Австрии уже обеспечил А. Гитлеру гегемонию в Европе, независимо от дальнейшей судьбы Чехословакии. К тому же аншлюс Австрии означал укрепление сотрудничества нацистской Германии с фашистской Италией и ярко продемонстрировал последовательную политику невмешательства Великобритании и Франции.

События марта 1938 г. выявили стремление Польши использовать кризис Версальской системы в своих собственных интересах. В частности, это касалось конфликта с Литвой из-за Вильно и Виленской области. 17 марта литовскому правительству был вручен польский ультиматум с требованием немедленно установить дипломатические отношения, экономические связи, почтово-телеграфное сообщение между двумя странами, а также отменить статью конституции, указывающую, что столицей Литвы

является Вильно. Советское руководство поддержало в этом конфликте Литву. В беседе с польским послом В. Гжибовским 18 марта нарком М. М. Литвинов заявил: «Обращает мое особое внимание то, что Польша добивается своим ультиматумом не только установления дипломатических отношений без всяких оговорок, т.е. [полного] отказа Литвы от своей точки зрения относительно Виленщины и по другим спорным вопросам. Такие требования, да еще предъявленные в ультимативной форме, равносильны изнасилчанию Литвы, а я уже говорил послу о нашей заинтересованности в сохранении полной независимости за литовским государством»¹⁰.

Руководство Литвы вынуждено было удовлетворить требования Польши, использовавшей в своих интересах наращивание германской экспансии в Европе. Что касается Москвы, то своим демаршем она подчеркнула заинтересованность СССР в положении в Восточной Европе и стремилась не допустить решения проблем этого региона без его участия.

Тем временем международная обстановка становилась все более сложной и напряженной. Осуществив аншлюс Австрии, нацистский рейх приступил к подготовке агрессии против Чехословакии. Орудием Берлина стала действовавшая в стране «судетонемецкая» партия во главе с К. Гейнлейном; немцы составляли около 20% населения страны. Партия Гейнлейна развернула на германские средства кампанию протеста против мнимых притеснений этнических немцев, за автономию, а затем и за полное самоопределение Судетской области. В выступлении перед высшим генералитетом 28 мая 1938 г. А. Гитлер говорил, что Чехословакия должна исчезнуть с карты Европы, чтобы «освободить тыл [Германии] для наступления против Запада»¹¹.

Руководители Чехословакии весной и летом 1938 г. были настроены весьма оптимистично. Однако советские дипломаты оценивали ситуацию пессимистично. Так, в феврале 1938 г. полпред Я. З. Суриц писал Литвинову из Парижа: «Никто даже не сомневается, что Чемберлен „предает“ Чехословакию. Ожидают, что он усилит давление на Чехословакию, чтобы та пошла „по австрийскому пути“»¹².

В то же время советское руководство поддерживало решимость президента и правительства Чехословакии сопротивляться германскому нажиму. Именно в контексте заверений о готовности СССР «решительно помочь чехам, если они действительно будут драться за свою независимость», следует оценивать визит в Прагу в конце марта 1938 г. командарма Г. И. Кулика.

В середине мая на границе Германии с ЧСР сложилась тревожная обстановка. 19 мая чехословацкая разведывательная служба получила информацию о концентрации германских войск на границе с Чехословакией. Опасаясь, что во время предстоявших муниципальных выборов немцами может быть спровоцирован инцидент, который мог бы послужить

поводом для нападения Германии на Чехословакию, правительство ЧСР провело 20 мая мобилизацию одного призывного возраста. Оно сразу же проинформировало Францию и Великобританию о концентрации германских войск.

Правда, на этот раз дело до военного конфликта не дошло. Мобилизация в Чехословакии прошла организованно. 21 мая в Судетской области было объявлено военное положение, граница была полностью перекрыта. Британский и французский послы в Берлине предупредили И. фон Риббентропа, что германская акция в отношении Чехословакии будет означать европейскую войну. А. Гитлер вынужден был временно отступить.

М. М. Литвинов стал инициатором советского дипломатического демарша в связи с возможностью выступления Польши против Чехословакии. В телеграмме временному поверенному в делах СССР во Франции от 5 июня 1938 г. отмечалось: «Польша не скрывает своих намерений использовать возможное наступление Германии на Чехословакию для отторжения в свою пользу части чехословацкой территории. Такое вмешательство Польши будет прямой помощью Германии и совместным с нею наступлением на Чехословакию. Мы хотели бы знать заранее, будет ли Франция, в случае нашего решения помешать интервенции Польши, считать себя союзницей Польши в смысле франко-польского союзного договора»¹³. Смысл такого запроса, который должен был просочиться в печать, М. М. Литвинов видел в том, «чтобы действительно припугнуть Польшу, заставить Францию определить свое отношение к Польше и действительно оказать некоторую помощь, хотя бы дипломатическую, Чехословакии». Тем самым Советский Союз напоминал о своей собственной позиции.

Через несколько дней министр иностранных дел Франции Ж. Бонне ответил, что Польша заявила Франции о соблюдении нейтралитета. В случае же нападения Польши на Чехословакию франко-польский договор прекратил бы действовать¹⁴. Вместе с тем в ходе обмена мнениями в Париже польская сторона подтвердила, что поляки не пропустят советские войска на помощь Чехословакии и что они будут сбивать советские самолеты при их попытке пролететь над территорией Польши.

В этой сложной международной обстановке Москва делала все, чтобы избежать втягивания в серьезный международный кризис. Полпред в Праге С. С. Александровский писал наркому 15 июня 1938 г.: «Я понимаю, что в наших интересах сделать все возможное для того, чтобы, укрепляя силу сопротивления Чехословакии, одновременно не мешать, а помогать прохождению таких мероприятий, которые имеют хоть какое-нибудь значение для осуществления задачи разрядить атмосферу в Центральной Европе, а то и предотвратить опасность военного столкновения»¹⁵. В телеграмме

М. М. Литвинова полпреду СССР в ЧСР 25 июля сообщалось, в частности, для передачи президенту Бенешу: «Наши контакты с Францией и Чехословакией, помимо оказания помощи в случае войны, имеют также целью предотвращение или уменьшение самой опасности войны в определенных частях Европы. Перед лицом угрозы, нависшей теперь над Чехословакией, всему миру должно быть ясно, что советско-чехословацкий пакт эту свою функцию выполняет, что он является наиболее, если не единственно крупным фактором, разряжающим атмосферу вокруг Чехословакии»¹⁶.

Советская позиция была ясно и четко определена М. М. Литвиновым в письме С. С. Александровскому от 11 августа 1938 г. Нарком проводил мысль, что противодействие ликвидации Версальской системы должно было быть делом западных держав, в первую очередь Великобритании и Франции. Советский Союз не являлся участником этих договоров, но «мы, все же в силу нашей концепции о борьбе с агрессией, готовы оказать свое содействие, но что сами напрашиваться на это содействие мы не станем, а тем более добиваться его. Я думаю, мы должны из этого исходить и в отношении чехословацкой проблемы». Литвинов подчеркивал заинтересованность СССР в сохранении независимости Чехословакии, в том, чтобы воспрепятствовать продвижению гитлеровской Германии на восток и юго-восток. Но Советский Союз не мог предпринять что-либо существенное без западных держав, «а последние не считают нужным добиваться нашего содействия, игнорируют нас и между собою решают все, касающееся германо-чехословацкого конфликта. Нам не известно, чтобы сама Чехословакия когда-либо указывала своим западным „друзьям“ на необходимость привлечения СССР»¹⁷.

Руководители Великобритании и Франции стремились к поиску компромисса с А. Гитлером за счет Чехословакии. В англо-французском танде ведущую роль все более явно играл Лондон. Советский полпред И. М. Майский в начале августа 1938 г. так оценивал позицию британского министра иностранных дел лорда Галифакса по вопросу о Чехословакии: «ЧС — искусственное государство, которое не в состоянии ни само защищаться, ни получить помощь извне. Англия не останется в стороне от центральноевропейских событий, но Франция должна сильнее нажать на Прагу, требуя от последней решительных уступок Гейнлейну. Надо заставить чехов договориться с немцами»¹⁸. Именно такова была основная цель миссии британского лорда Ренсимена, находившегося в Чехословакии в качестве посредника между судетскими немцами и чехословацким правительством в период с 3 августа по 16 сентября 1938 г.

Германия, используя судетских немцев, усиливала нажим на Чехословакию. В подписанном А. Гитлером проекте директив на операцию «Грюн»

от 18 июня 1938 г. говорилось: «На первом плане моих политических намерений в качестве ближайшей цели стоит решение чешского вопроса по собственной инициативе. Я намерен для осуществления этой цели использовать любой политический повод начиная с 1.10.1938 г. ... Однако я приму окончательное решение начать кампанию против Чехословакии лишь в случае, если буду твердо убежден, как это имело место при занятии демилитаризованной зоны и при вступлении войск в Австрию, что Франция не выступит против нас и это не повлечет за собой вмешательства Англии»¹⁹.

К началу сентября обстановка вокруг Чехословакии еще более осложнилась. Нацистская пропаганда создавала впечатление неизбежности войны в случае отказа выполнить германские требования.

2 сентября французский поверенный в делах в Москве Ж. Пайяр официально поставил перед М. М. Литвиновым вопрос, на какую помощь со стороны СССР может рассчитывать Чехословакия, учитывая затруднения, создававшиеся Польшей и Румынией. Литвинов напомнил, что советская помощь Чехословакии была обусловлена оказанием французской помощи. Нарком добавил, «что при условии оказания помощи Францией мы исполнены решимости выполнить все наши обязательства по советско-чехословацкому пакту, используя все доступные нам для этого пути»²⁰. Для определения конкретных форм помощи Москва считала необходимым созвать совещание представителей вооруженных сил СССР, Франции и Чехословакии.

Германское давление на Прагу нарастало. А. Гитлер угрожал, шантажировал, провоцировал. Великобритания и Франция также предпочитали нажим на руководителей Чехословакии, чтобы вынудить их пойти на уступки Гитлеру. Ведущую роль играл премьер-министр Великобритании Н. Чемберлен. 15 сентября в резиденции рейхсканцлера состоялась его беседа с Гитлером один на один. «Чехословакия прекратит свое существование», — прямо заявил нацистский диктатор. 19 сентября руководство Чехословакии получило англо-французское предложение об уступке Германии всех округов Судетской области, в которых немцы составляли больше 50% населения. Предполагалось, что новые границы Чехословакии определит специальная международная комиссия. Чехословакия должна была отказаться от договоров от взаимной помощи с Францией и СССР. При выполнении этих требований Великобритания и Франция выражали готовность гарантировать новые границы Чехословакии от прямой агрессии²¹.

Президент Бенеш вызвал полпреда СССР и попросил его срочно выяснить позицию советского правительства. Москва на следующий же день дала ясный ответ: СССР готов был, согласно договору, оказать «немедленную и действительную помощь Чехословакии, если Франция останется ей верной и также окажет помощь». СССР заявил,

что готов был оказать помощь Чехословакии и как член Лиги наций на основании статей 16 и 17 ее устава²². Содержание этого ответа было передано советским полпредом президенту Бенешу по телефону 20 сентября.

Руководство Чехословакии вначале отвергло англо-французские предложения. Однако представители двух стран усилили нажим на Прагу. В беседе с Бенешем в ночь на 21 сентября дипломаты Великобритании и Франции настаивали, что англо-французские предложения являются «единственным средством предотвращения войны и захвата Чехословакии. В случае, если ответ Чехословацкой республики будет отрицательным, она будет нести ответственность за развязывание войны». В этом случае Великобритания и Франция отказывались выступить в поддержку Чехословакии²³. Полпред в Лондоне И. М. Майский записывал в своем личном дневнике 21 сентября: «Нет предела англо-французской низости! Вчера вечером, получив чешский ответ с предложением решить германо-чешский спор с помощью арбитража, Чемберлен снесся с Даладье и поздно ночью (говорят, в 3 часа ночи) оба премьера направили чехпра (правительству Чехословакии — М. Н.) ультиматум: или ЧС принимает „англо-французский план“ или Лондон и Париж бросают ЧС на произвол судьбы в случае германского нападения. Французы даже заявили, что в этом случае они не будут считать себя связанными условиями чехо-французского договора... Положение создалось безвыходное, рано утром 21 сентября чехпра, со смертью в сердце, приняло англо-французский ультиматум»²⁴.

22 сентября состоялась новая встреча Н. Чемберлена с А. Гитлером. Почувствовав себя хозяином положения, Гитлер ужесточил свои требования к Чехословакии. Он потребовал установления новой границы Чехословакии без всякой международной комиссии и настаивал на том, чтобы эвакуация передаваемых Германии районов была завершена к 8 часам утра 28 сентября. Запугивая собеседника, рейхсканцлер угрожал, что в случае невыполнения изложенных требований «он будет вынужден искать военного решения вопроса».

24 сентября представителям Чехословакии был передан фактический ультиматум А. Гитлера, еще более ужесточивший требования Германии. Эти требования были отвергнуты Прагой, президент Э. Бенеш объявил о всеобщей мобилизации.

25 сентября в ходе очередных англо-французских переговоров французский премьер Э. Даладье признал, что гитлеровский ультиматум означает «расчленение Чехословакии и германское господство в Европе». Большинство британских министров отказались принять требования А. Гитлера, французский кабинет отверг их единогласно. Агрессивные действия нацистской Германии поставили Европу на грань войны.

В ходе кризиса СССР последовательно подтверждал свою готовность выполнить обязательства по союзному договору с Чехословакией в случае помощи со стороны Франции или по решению Лиги наций, оказывал Праге политическую и дипломатическую поддержку. Вместе с тем, как отмечают современные российские историки, «есть основания полагать, что советское руководство исключало принятие крайних военных мер без участия Франции и обращения за помощью самой Чехословакии, которая капитулировала в условиях диктата»²⁵. Необходимо было учитывать и негативную позицию Польши и Румынии.

Правда, нарком М. М. Литвинов, находившийся в Женеве на сессии ассамблеи Лиги наций, предлагал предпринять более решительный демарш. Он телеграфировал 23 сентября в Москву: «Считая, что европейская война, в которую мы будем вовлечены, не в наших интересах и что необходимо все сделать для ее предотвращения, я ставлю вопрос, не следует ли нам объявить хотя бы частичную мобилизацию и в прессе повести такую кампанию, что заставило бы А. Гитлера и Ю. Бека поверить в возможность большой войны с нашим участием»²⁶. Однако Кремль отверг предложения Литвинова, считая международное положение недостаточно ясным. Москва последовательно выступала за созыв конференции СССР, Франции и Англии по чехословацкому вопросу, за участие Советского Союза в урегулировании международного кризиса.

В ходе чехословацкого кризиса Польша фактически солидаризировалась с гитлеровской Германией. Польская пресса развернула кампанию за автономию поляков в Тешинской Силезии, а затем и за передачу этой области Польше. Польские дипломаты заявляли, что все решения относительно положения немцев в Чехословакии должны также относиться и к полякам. В начале 20-х чисел сентября Польша стала сосредотачивать войска на всем протяжении границы с Чехословакией. В этой ситуации Москва поддержала Чехословакию. 23 сентября заместитель наркома иностранных дел В. П. Потемкин передал временному поверенному в делах Польши в СССР жесткое заявление советского правительства в связи с концентрацией польских войск на границе с Чехословакией, в котором оно предупредило Варшаву о нападении между двумя странами в случае акта агрессии со стороны Польши против Чехословакии²⁷. Французский посол в Москве Кулондр заявил Потемкину, что придает советской политической акции «крупнейшее международное значение. Положительный ее эффект должен коснуться не только Чехословакии, но и Франции»²⁸. Позднее польский министр Ю. Бек отмечал, что в дни кризиса «русские сосредоточили на русско-польской границе несколько армейских корпусов, часть которых разместились непосредственно у линии границы»²⁹. Поляки готовы

были даже к нанесению удара по Красной армии, если бы советские войска выдвинулись на территорию Польши³⁰.

Тем не менее, Советский Союз оказался отнесенным от урегулирования чехословацкого кризиса. Маневры руководителей западных держав привели к созыву 29 сентября в Мюнхене конференции глав правительств Германии, Италии, Великобритании и Франции. В ночь с 29 на 30 сентября 1938 г. Гитлер, Даладье, Муссолини и Чемберлен подписали мюнхенские соглашения, по существу удовлетворявшие все требования руководства Германии. В период с 1 по 10 октября Чехословакия должна была передать Германии все районы с преобладанием немецкого населения. Эта территория передавалась Германии со всеми имеющимися на ней сооружениями, включая военные укрепления и промышленные предприятия. Окончательные границы Чехословакии должна была определить международная комиссия. Дополнительное соглашение предусматривало урегулирование вопроса о польском и венгерском меньшинствах в Чехословакии, т.е. удовлетворение территориальных притязаний Польши и Венгрии³¹. Тем самым осуществлялось фактическое расчленение Чехословакии, которая потеряла почти треть территории и населения, половину тяжелой промышленности.

Позиция советского правительства в отношении решений, принятых в Мюнхене, нашла отражение в сообщениях ТАСС от 2 и 4 октября 1938 г., в которых заявлялось о полной непричастности СССР к мюнхенской конференции³².

Что касается польского руководства, то оно активно участвовало в реализации мер по фактическому расчленению Чехословакии. Уже вечером 30 сентября польское правительство передало Чехословакии ноту, в которой потребовало немедленного отделения от Чехословакии части территории Тешинской и Фриштатской областей и передачу их Польше³³. Это было ультимативное требование, которое шло даже дальше договоренностей, достигнутых в Мюнхене. В письме министра иностранных дел Польши Ю. Бека польскому послу в Чехословакии К. Папэ от 30 сентября указывалось, что «срок... ультиматума истекает... 1 октября, в 12 часов дня» и «это требование является безоговорочным»³⁴. Советский полпред в Чехословакии С. С. Александровский в своей телеграмме охарактеризовал эту польскую акцию как «гитлеровскую провокацию»³⁵. По сообщению посла в Берлине Ю. Липского, И. фон Риббентроп изложил следующую позицию германского правительства в связи с польским демаршем: «1. В случае польско-чешского вооруженного конфликта правительство Германии сохранит по отношению к Польше доброжелательную позицию. 2. В случае польско-советского конфликта правительство Германии займет по отношению к Польше позицию более чем доброжелательную. При этом

он ясно дал понять, что правительство Германии оказало бы помощь»³⁶.

Правительства Великобритании и Франции, указав через своих дипломатических представителей на «роковые последствия для Польши, которое имело бы ее вооруженное выступление против Чехословакии»³⁷, на практике не предприняли никаких мер по противодействию Польше. Правительство Чехословакии вынуждено было уступить — Тешинская область была передана Польше. Отторжение этой области от ЧСР чрезвычайно затрудняло связи между Чехией и Словакией, поскольку именно по этой территории проходила основная железнодорожная магистраль, связывавшая две части страны. Польский историк С. Жерко отмечает: «Польско-немецкое сближение достигло своего апогея во время Судетского кризиса 1938 г. Позиция Польши была Рейху на руку, и неоднократно германская сторона поляков за это благодарила. Польские лидеры были бы безумцами, если бы в эпоху политики умиротворения выступали против немцев, да еще защищая нелюбимую в Польше и недоброжелательно настроенную к ней Чехословакию. Другое дело, однако, активное участие в античехословацкой кампании. Непродуманное предъявление Праге ультиматума с требованием уступить Тешинскую область под угрозой вооруженного нападения было воспринято мировым общественным мнением как копирование Польшей германских методов»³⁸.

Вслед за гитлеровской Германией и Польшей территориальные претензии к Чехословакии предъявила Венгрия. В октябре 1938 г. начались переговоры между Прагой и Будапештом по этому вопросу. Они не привели к соглашению, так как Чехословакия отказалась удовлетворить требования Венгрии. Правительство Венгрии, поддержанное Муссолини, обратилось к Германии, Италии и Польше с просьбой о третьей стороне. Участие Польши было отклонено Берлином, и роль арбитра взяли на себя Германия и Италия. Решением, вынесенным 2 ноября 1938 г. в Вене (так называемый первый Венский арбитраж), Венгрии были переданы южные районы Словакии и Закарпатской Украины с населением около миллиона человек³⁹. Таким образом, «малые страны» Европы внесли свой вклад в нарушение европейской стабильности.

Каковы же были итоги Мюнхена и его значение?

Польский историк Э. Дурачински отмечает: «Среди историков доминирует практически единодушное мнение, что мюнхенский договор 29 сентября 1938 г., заключенный Германией, Италией, Францией и Великобританией в ущерб интересам Чехословакии, придал международным отношениям совершенно иное качество. Процесс дестабилизации в Европе, без сомнения, преодолел критическую отметку... В Мюнхене был нанесен решающий удар по Версальской системе, которая, несмотря на свои недостатки, стабилизировала ситуацию в Европе, а государствам

ее центральной части давала чувство безопасности, хоть и не лишённое беспокойства»⁴⁰. С этим мнением можно согласиться.

Жертвой мюнхенских соглашений стала Чехословакия. Решения Мюнхена были приняты без Чехословакии и за ее счет. Они означали фактическое расчленение страны и создавали угрозу самому ее существованию. Чехословакия потеряла почти половину своей тяжелой промышленности и важные укрепления на границе.

Проигравшим субъектом международных отношений стал и Советский Союз. Мюнхен стал примером решения важного вопроса в Восточной Европе без СССР и в какой-то степени против СССР. Мюнхен усилил недоверие И. В. Сталина к политике западных демократий. Складывалась самая неблагоприятная для СССР расстановка сил. Советский Союз оказался перед угрозой международной изоляции. Объективно Мюнхен подталкивал Москву к поискам сближения с Берлином. По информации французского посла в СССР Р. Кулондра, заместитель наркома В. П. Потемкин сказал ему после Мюнхена: «Мой бедный друг, что же вы наделали? Для нас я не вижу другого выхода, кроме четвертого раздела Польши»⁴¹.

Бесспорное политическое поражение потерпела Франция. Был нанесен непоправимый ущерб всей системе французских союзов в Восточной Европе. Полпред СССР во Франции Я. З. Суриц сообщал в Москву 12 октября: «О том, что Франция пережила свой второй Седан, и что в Мюнхене ей было нанесено страшнейшее поражение, сейчас отдает себе отчет любой француз»⁴². Была поставлена под сомнение способность Парижа предоставлять эффективные гарантии. Мюнхен в полной мере выявил следование Франции в фарватере британской политики. Советский полпред в Великобритании И. М. Майский передавал в Москву мнение Д. Ллойд-Джорджа: «Западные „демократии“ понесли жестокое поражение. Франция окончательно стала второстепенной державой»⁴³.

Мюнхен стал апогеем англо-французской политики умиротворения, ведущую роль в реализации которой играла Великобритания. Основным фактором этой политики было стремление избежать новой большой войны, которая считалась бессмысленной, ненужной и опасной. Сторонники политики умиротворения оказались восприимчивы к демагогии А. Гитлера об «исправлении ошибок Версаля».

В проведении политики умиротворения важную роль играли разногласия в правящих кругах Великобритании и Франции. Сказывалась и общая нестабильность социально-политической обстановки, особенно во Франции. Лондон и Париж должны были принимать во внимание позицию своих военных руководителей, внушавших, что британские и французские вооруженные силы были не готовы к ведению активных военных действий. Следует

также учитывать опасения усиления «коммунизма» в результате потрясений в Европе.

Среди российских историков есть мнение, что Мюнхен стал своеобразной «точкой невозврата», обусловившей дальнейшее движение к началу войны. Так, Е. Н. Кульков и О. А. Ржешевский утверждают: «Фатальным политическим событием, которое, в конечном счете, привело ко Второй мировой войне, явилась Мюнхенская конференция (29–30 сентября 1938 г.)»⁴⁴. Однако развитие международного кризиса после Мюнхена продемонстрировало наличие различных альтернатив, характеризовалось сложными политическими зигзагами в политике всех основных «игроков». Думается, можно согласиться с тем выводом, который делает российский историк С. З. Случ: «Мюнхенский договор не исключал альтернативного развития международных отношений и не был поворотным пунктом на пути к войне; его нельзя объяснить только антисоветизмом руководства западных держав, так как основным мотивом их действий являлось стремление любой ценой избежать войны»⁴⁵.

Мюнхен означал попытку заменить Версальскую систему новым международным порядком, основанным на концепции «пакта четырех». Во всяком случае, так воспринимали Мюнхен в Лондоне и Париже. Не случайно, мюнхенские соглашения сопровождалась англо-германской декларацией, подписанной 30 сентября 1938 г. Подчеркнув важность англо-германских отношений для двух стран и для Европы, А. Гитлер и Н. Чемберлен заявили о решимости использовать метод консультаций и «продолжать наши усилия по устранению возможных источников разногласий и таким образом содействовать обеспечению мира в Европе»⁴⁶. По существу, это было соглашение о ненападении и взаимных консультациях. Британские руководители искренне надеялись на новую стабилизацию европейской ситуации.

В фарватере британской политики шла Франция. 6 декабря министры иностранных дел Франции и Германии подписали в Париже франко-германскую декларацию. Она зафиксировала приверженность обоих правительств развитию мирных и добрососедских отношений между двумя странами и отсутствие каких-либо неразрешенных вопросов территориального характера между ними. Оба правительства решили поддерживать контакт друг с другом по всем вопросам, интересующим обе страны, и взаимно консультироваться в случае, если бы последующее развитие этих вопросов могло бы привести к международным осложнениям⁴⁷. Франко-германское соглашение о консультациях воспринималось в Париже как вклад в сохранение мира в Европе. Расчет делался на умиротворение нацистской Германии за счет уступок в Восточной Европе и в колониальной сфере.

Основной просчет инициаторов и сторонников умиротворения состоял в непонимании сущности

гитлеровского режима, в недооценке его агрессивности. Для германских руководителей все подписанные ими соглашения являлись лишь тактическим маневром на пути к достижению гегемонии в Европе.

Мюнхен означал безусловный выигрыш Германии. Нацистский рейх заметно укрепил свои геополитические позиции, увеличил военно-промышленный потенциал. Мюнхен стал и личным успехом А. Гитлера. Он сумел укрепить свое положение внутри страны и на международной арене. Характерную запись сделал в своем дневнике германский военачальник А. Йодль: «Мюнхенский пакт подписан. Чехословакия как государства больше не существует... Фюрер с его гением и целеустремленностью, которую не поколебала даже опасность возникновения мировой войны, опять одержал победу без применения силы. Остается надеяться, что те, кто не верил в его гений, теперь переубеждены навечно»⁴⁸. Мюнхен поощрял Гитлера к наращиванию германской экспансии в Европе.

Что касается Польши, то она получила приращение территории в виде Тешинской Силезии. На какое-то время реализовалась идея сотрудничества Польши с Германией и ее союзниками. При этом Варшава заметно ухудшила свои отношения с Лондоном, Парижем и Москвой.

Стремясь восстановить утраченное «равновесие» между Берлином и Москвой, польское правительство проявило инициативу в деле улучшения отношений с СССР. В беседе с заместителем наркома В. П. Потемкиным 21 октября 1938 г. посол Польши В. Гжибовский поставил вопрос, не следует ли Польше и Советскому Союзу «подумать о существенном улучшении своих взаимоотношений»⁴⁹. Москва пошла навстречу Варшаве и проявила заинтересованность в том, чтобы закрепить положительный сдвиг в двусторонних отношениях взаимными обязательствами. 4 ноября нарком М. М. Литвинов предложил польской стороне проект совместного коммюнике, в котором подтверждалась приверженность обеих сторон советско-польскому договору о ненападении 1932 г. Проект коммюнике констатировал, «что, будучи заинтересованы в сохранении мира и спокойствия на всем протяжении Востока Европы, оба правительства будут консультироваться друг друга в случаях, когда миру и спокойствию будет угрожать какая-либо опасность»⁵⁰.

В ходе последующих переговоров польское правительство придало коммюнике довольно общий характер, в частности, исключив из него пункт о взаимных консультациях. М. М. Литвинов 26 ноября 1938 г. отмечал: «Польское правительство выхолостило наш проект, и получился документ довольно бесцветный»⁵¹. Тем не менее, оба правительства подтвердили, что основой их взаимоотношений оставались существующие двусторонние договоры, включая договор о ненападении 1932 г. Было отмечено, что этот договор «имеет достаточно ши-

рокую основу, гарантирующую нерушимость мирных отношений между обоими государствами». Оба правительства выразили положительное отношение к расширению взаимной торговли и согласились «в необходимости положительного разрешения ряда текущих вопросов»⁵². Однако польское министерство иностранных дел постаралось преуменьшить значение согласованного документа. В сообщении отдела печати польского МИД германским корреспондентам отмечалось, что «опубликованная только что польско-советская декларация преследует лишь цель нормализации отношений. Польша в своей внешней политике всегда придерживалась той точки зрения, что участие Советского Союза в европейской политике излишне»⁵³. Польское руководство выдерживало политическую линию на «равноудаленность» в отношении СССР и Германии с заметным креном в сторону Берлина.

Нацистская Германия после Мюнхена наращивала свое влияние в Восточной и Юго-Восточной Европе. 24 февраля Венгрия присоединилась к «антикоминтерновскому пакту», заключенному Германией и Японией в ноябре 1936 г.

Еще 21 октября 1938 г. А. Гитлер в своей директиве поставил перед вермахтом задачу быть постоянно готовым к решению вопроса об оставшейся части Чехии и к овладению Мемельской областью⁵⁴. Англо-французские гарантии новых послемиюнхенских границ Чехословакии оказались фикцией, с которой фюрер не собирался считаться. В результате германского диктата 15 марта 1939 г. все чешские земли были объявлены «Протекторатом Богемия и Моравия» рейха и оккупированы немецкими войсками. Словакия стала «самостоятельным государством», полностью подчиненным Германии. Французский посол в Германии Р. Кулондр писал в Париж: «Германия еще раз продемонстрировала свое пренебрежение к любому письменному обязательству, отдав предпочтение методу грубой силы и свершившегося факта»⁵⁵.

При этом Закарпатская Украина была занята Венгрией. Такое развитие событий положило конец рассуждениям и спекуляциям о намерениях А. Гитлера включить Закарпатскую Украину в состав рейха с тем, чтобы затем осуществлять германскую экспансию в направлении Советской Украины.

Советское правительство протестовало против полной ликвидации независимой Чехословакии. Оно заявило, что «не может признать включение в состав Германской империи Чехии, а в той или иной форме также и Словакии правомерным и отвечающим общепризнанным нормам международного права и справедливости или принципу самоопределения народов». По мнению советского правительства, действия Германии создали и усилили угрозы всеобщему миру, «нарушили политическую устойчивость в Средней Европе и нанесли новый удар чувству безопасности народов»⁵⁶.

Что касается Польши, то она реализовала свое давнее стремление иметь общую границу с Венгрией. Нарком М. М. Литвинов в беседе 16 марта с польским послом В. Гжибовским отметил, «что публичное выступление Бека, а также поведение польской печати заставляют думать, что Польша не только заняла благожелательный нейтралитет в отношении провозглашения независимости Словакии, но даже приветствовала это событие как желательное и приятное Польше»⁵⁷.

Тогда же, в марте, А. Гитлер решил присоединить к рейху литовский Клайпедский край (Мемельскую область). В крае активизировались нацистские группировки, готовые в любой момент поднять восстание по указке из-за границы. Литовское правительство готово было ценой внутривнутриполитических уступок в Клайпедском крае получить от Германии гарантию неприкосновенности своих границ. 20 марта в Берлине состоялась встреча министра иностранных дел Литвы Ю. Урбшиса с И. фон Риббентропом. В ходе этой беседы, как отмечал Урбшис, «Германия предъявила Литве ультиматум: или Клайпедский край, или германская армия вступает в Литву»⁵⁸. 21 марта литовское правительство решило уступить силе и согласилось передать Клайпеду Германии. Около полуночи 22 марта в кабинете Риббентропа был подписан «Договор между Литовской Республикой и Германской империей о передаче Клайпедского края».

После Мюнхена руководство нацистского рейха стало оказывать нажим на Румынию и Польшу, добываясь от них экономических и политических уступок. 17 марта румынский посланник в Лондоне В. Тиля даже запрашивал британское правительство о его позиции в связи с якобы имевшим место германским ультиматумом Бухаресту в ходе двусторонних экономических переговоров⁵⁹. Правда, через несколько дней румынское руководство опровергло информацию о германском ультиматуме. Румынский король подтвердил, «что ультиматума собственно не было, но что Германия выдвинула совершенно недопустимые требования»⁶⁰. Договор о развитии экономических отношений между Германией и Румынией, подписанный в Бухаресте 23 марта 1939 г., фактически поставил румынскую экономику под контроль Германии.

Одновременно Германия усиливала давление на Польшу. Еще в октябре 1938 г. И. фон Риббентроп выдвинул предложения «об общем урегулировании спорных проблем, существующих между Польшей и Германией». Они включали «воссоединение Данцига с рейхом», строительство экстерриториальной автострады и железнодорожной линии через польское Поморье. Ответной мерой со стороны Германии могла бы стать гарантия польско-германских границ. «В качестве возможной сферы будущего сотрудничества между двумя странами германский министр иностранных дел назвал совместные действия

по колониальным вопросам и вопросам эмиграции евреев из Польши, а также общую политику в отношении России на базе антикоминтерновского пакта»⁶¹.

Министр иностранных дел Польши Ю. Бек считал, что можно обойти германские требования затягиванием решения и дипломатическими уловками. Польский историк С. Жерко дает такую оценку позиции Бека: «Трудно привести лучший пример дезориентации, беспечности и переоценки роли собственной страны»⁶². Всю серьезность сложившейся для Польши ситуации руководители страны смогли оценить в результате бесед министра Ю. Бека с канцлером Германии А. Гитлером и министром иностранных дел рейха И. фон Риббентропом 5 и 6 января 1939 г. Гитлер заверял Бека, что «при всех обстоятельствах Германия будет заинтересована в сохранении сильной национальной Польши, совершенно независимо от положения дел в России». Вместе с тем Гитлер подчеркнул необходимость решения вопроса о Данциге и о польском коридоре. Фюрер заявил, что «он думает о формуле, в соответствии с которой Данциг в политическом отношении станет германским, а в экономическом — останется у Польши. Данциг остается и всегда будет немецким; рано или поздно этот город отойдет к Германии». Что касается польского коридора, то Гитлер признал, что «связь с морем для Польши абсолютно необходима. Но в той же мере для Германии необходима связь с Восточной Пруссией...». В обмен на польские уступки Германия могла бы предоставить Польше зафиксированную в договорном порядке гарантию ее границ. Бек принял к сведению «пожелания, высказанные фюрером», но подчеркнул сложность решения поставленных вопросов. Он заверял, что Польша и впредь будет верна политической линии, вытекающей из договора с Германией 1934 г.⁶³

Не менее категоричным был и министр иностранных дел Германии И. фон Риббентроп. В беседе с Ю. Беком он настаивал на следующих решениях: «Возвращение Данцига Германии с обеспечением всех экономических интересов Польши в этом районе, причем с наибольшей щедростью. Связь Германии с ее провинцией — Восточной Пруссией через экстерриториальную автостраду и железную дорогу. За это в качестве компенсации со стороны Германии — гарантия коридора и всей польской собственности, то есть окончательное и прочное признание взаимных границ». Риббентроп высказал также пожелание, чтобы Польша присоединилась к антикоминтерновскому пакту⁶⁴.

Беседы в Германии стали для Ю. Бека настоящим шоком. Позднее он признавал, что именно тогда впервые задумался о возможности войны с Германией. Для Варшавы настало время трудных решений. 8 января в Королевском замке состоялось совещание польского руководства с участием президента страны и членов правительства. Принятое решение означало отказ удовлетворить германские

требования. Оно гласило: «а) Если Германия продолжит оказывать давление в отношении вопросов, представляющих для нее второстепенную важность, таких как Гданьск и автострада, то не будет никаких иллюзий, что эти вопросы служат лишь предлогом, и что мы находимся под угрозой крупного конфликта; б) В связи с этим колеблющаяся позиция Польши неизбежно привела бы ее к неминуемому упадку, а в результате к утрате ею независимости и к принятию на себя роли германского вассала»⁶⁵. Варшава не пошла на уступки А. Гитлеру.

Тем не менее, германское руководство наращивало свой нажим на Польшу. 21 марта И. фон Риббентроп пригласил польского посла и категорически потребовал удовлетворить требования Берлина относительно Гданьска и экстерриториальной автострады через польский коридор. Слова Риббентропа звучали явной угрозой. Он подчеркивал, что А. Гитлер не получил от Польши никакого позитивного ответа на свои предложения. Поэтому Риббентроп настаивал на срочном визите Ю. Бека в Берлин для переговоров с Гитлером. Однако позиция польского руководства исключала уступки германскому диктату. Таким образом, Польша отвергла требования Берлина.

Могла ли Варшава дать другой ответ? Думается, что нет.

Вместе с тем именно польская решимость отказать от удовлетворения требований А. Гитлера привела к изменению его планов и оказала влияние на весь ход международно-политического кризиса в 1939 г. После Мюнхенского соглашения фюрер все больше склонялся к войне с западными державами, для подготовки к которой требовалось время. При нанесении первого удара на Западе Польше отводилась роль послушного сателлита и надежного тыла Германии. Выступая перед руководством вермахта 22 августа 1939 г., Гитлер разъяснял присутствовавшим: «Поначалу я хотел установить приемлемые отношения с Польшей, чтобы повести борьбу против Запада»⁶⁶. Но этот замысел германского руководства реализовать не удалось.

События марта 1939 г., и в первую очередь наращивание германской агрессии, привели к началу серьезной перегруппировки сил на международной арене. Выявился провал политики умиротворения, проводившейся западными державами. Добиться новой стабильности в Европе путем уступок Германии не удалось. А. Гитлер нарушил все свои обещания и заключенные соглашения. 17 марта главный дипломатический советник министра иностранных дел Великобритании Р. Ванситтарт заявил советскому полпреду И. М. Майскому, что «внешняя политика премьера потерпела полный крах», что аннексия Чехословакии нанесла по ней окончательный удар и поэтому «политика умиротворения мертва и возврата к ней не может быть»⁶⁷.

Руководители Великобритании и Франции пришли к выводу о необходимости создать барьер на пути

гитлеровской агрессии, не допустить установления германской гегемонии в Европе. Шагом в этом направлении стало предоставление британских гарантий Польше. 31 марта премьер-министр Н. Чемберлен заявил в палате общин, «что в случае любой акции, которая будет явно угрожать независимости Польши и которой польское правительство соответственно сочтет необходимым оказать сопротивление своими национальными вооруженными силами, правительство Его Величества считает себя обязанным немедленно оказать польскому правительству всю поддержку, которая в его силах. Оно дало польскому правительству заверение в этом»⁶⁸. Аналогичную позицию занимало и французское правительство. При всей нечеткости формулировок эта декларация означала важный поворот в британской политике, переход к «политике гарантий». При этом правительство Великобритании исходило из своих собственных интересов. При обсуждении вопроса о гарантиях на заседании внешнеполитического комитета правительства премьер-министр отметил: «Генеральная линия нашей политики в отношении Германии определяется не защитой отдельных стран, которые могли бы оказаться под германской угрозой, а стремлением предотвратить установление над континентом германского господства, в результате чего Германия стала бы настолько мощной, что могла бы угрожать нашей безопасности. Господство Германии над Польшей и Румынией усилило бы ее военную мощь, и именно поэтому мы предоставили гарантии этим странам»⁶⁹.

В результате визита Ю. Бека в Лондон 4–6 апреля 1939 г. была выражена готовность заключить постоянное двустороннее соглашение, которое гарантировало бы «взаимную помощь в случае любой угрозы, прямой или косвенной, независимости одной из сторон»⁷⁰.

Нараставшая политико-дипломатическое противодействие дальнейшему усилению Германии, премьер-министр Н. Чемберлен 13 апреля огласил декларацию правительства Великобритании о предоставлении гарантий Греции и Румынии. В случае какой-либо акции, которая бы явно угрожала независимости одной из этих двух стран, британское правительство «считало бы себя обязанным немедленно оказать греческому или румынскому правительству... всю поддержку, которая в его силах»⁷¹. В тот же день с аналогичной декларацией о гарантиях Греции и Румынии выступило правительство Франции. Кроме того, оно подтвердило свои обязательства по франко-польскому союзу. Франция и Польша дали друг другу «немедленные и непосредственные гарантии против любой прямой или косвенной угрозы, которая нанесла бы ущерб их жизненно важным интересам»⁷². Тем самым Лондон и Париж стремились создать политический барьер против дальнейшего усиления Германии, против установления ее гегемонии в Европе. Это не исключало переговоров с Германией и компромиссов по отдельным вопросам.

В период с 23 по 27 марта в Москве находился с визитом парламентский секретарь по делам заморской торговли Великобритании Р. Хадсон. Во время завтрака в британском посольстве Хадсон говорил заместителю наркома В. П. Потемкину, что «вооруженный конфликт между европейскими демократиями и Германией представлялся неизбежным. Общественное мнение Англии вполне убедилось в неотвратимости этого столкновения. Для противодействия агрессорам необходимо сотрудничество Великобритании, Франции и СССР»⁷³. Перед Лондоном и Парижем встал вопрос о привлечении Москвы к реализации политики гарантий.

Принципиальные подходы советского руководства к проблемам международной политики были обрисованы И. В. Сталиным в отчетном докладе ЦК ВКП(б) XVIII съезду партии 10 марта 1939 г. Сталин заявил: «Новая империалистическая война стала фактом... Войну ведут государства-агрессоры, всячески ущемляя интересы неагрессивных государств, прежде всего Англии, Франции, США, а последние пятятся назад и отступают, давая агрессорам уступку за уступкой». При этом основной пафос сталинского доклада оказался направленным против политики невмешательства, против политики попустительства агрессии, против попыток столкнуть Германию с Советским Союзом. Он серьезно предупредил западных руководителей: «Необходимо, однако, заметить, что большая и опасная политическая игра, начатая сторонниками политики невмешательства, может окончиться для них серьезным провалом».

И. В. Сталин сформулировал основные задачи партии в области внешней политики:

- «1. Проводить и впредь политику мира и укрепления деловых связей со всеми странами;
2. Соблюдать осторожность и не давать втянуть в конфликты нашу страну провокаторам войны, привыкшим загребать жар чужими руками»⁷⁴.

Тем самым советское руководство выдвигало на первый план борьбу за национально-государственные интересы СССР в своей собственной трактовке. Оно заявило о стремлении проводить осторожную, прагматичную политику, по возможности оставаться вне начавшейся империалистической войны, добиваться максимально выгодных договоренностей с потенциальными партнерами.

Четкое разъяснение советской позиции дал нарком М. М. Литвинов в беседе с британским послом У. Сидсом 1 апреля 1939 г. Говоря о советской реакции на британские инициативы, Сидс спросил: «Значит ли это, что вы впредь не намерены помогать жертве агрессии?». Литвинов ответил, «что, может быть, помогать будем в тех или иных случаях, но что мы считаем себя ничем не связанными и будем поступать сообразно своим интересам»⁷⁵.

Советское руководство проявило большую заинтересованность в том, чтобы не допустить нового

Мюнхена, чтобы активно участвовать в обсуждении возможностей отпора агрессии. В связи с нарастанием нажима Германии на Румынию и Польшу Советский Союз 18 марта предложил «немедленно созвать совещание из представителей СССР, Англии, Франции, Польши и Румынии». На следующий день нарком М. М. Литвинов предложил добавить к возможным участникам конференции Турцию⁷⁶. Советский Союз выражал готовность подписать декларацию Великобритании, СССР, Франции и Польши, предложенную британским правительством. Проект декларации предусматривал обязательство соответствующих правительств «немедленно совещаться о тех шагах, которые должны быть предприняты для общего сопротивления» действиям, составляющим угрозу политической независимости любого европейского государства⁷⁷. Правда, Литвинов делал оговорку, что без Польши СССР эту декларацию не подпишет⁷⁸.

Советское руководство явно опасалось возможных польско-германских договоренностей. Очевидно, этими соображениями было обусловлено стремление Москвы к улучшению отношений с Варшавой. Еще 19 февраля 1939 г. было подписано советско-польское торговое соглашение, предусматривавшее рост товарооборота между двумя странами⁷⁹. М. М. Литвинов писал 10 марта: «Новые отношения с Польшей можно выразить следующим образом: они стали менее враждебными, но отнюдь не более дружескими; между тем как польско-германские отношения стали менее дружественными и более враждебными. Бек по-прежнему продолжает лавировать между СССР и Германией, уменьшая несколько свой крен в сторону последней»⁸⁰.

В конце марта Кремль дал дополнительные доказательства стремления к советско-польскому сближению. В ходе беседы с заместителем наркома В. П. Потемкиным 28 марта посол В. Гжибовский обратился с просьбой решить некоторые вопросы двусторонних отношений до его намеченной поездки в Варшаву для консультаций. Посол перечислил важнейшие из упомянутых им вопросов: установление воздушной связи между Москвой и Варшавой, передача польскому правительству некоторых архивных документов, поиск ксендза для польского костела в Москве, освобождение ряда арестованных польских граждан⁸¹. Ознакомившись с записью этой беседы, И. В. Сталин по телефону продиктовал Потемкину положительные (или уклончивые) ответы на вопросы посла⁸².

Тем не менее, Польша отказалась подписать декларацию четырех держав, предложенную Великобританией. Польское правительство придерживалось твердой позиции: не заключать никаких соглашений ни с Германией против СССР, ни с СССР против Германии. Как сообщал из Лондона полпред И. М. Майский, «поляки совершенно категорически, румыны в менее решительной форме заявили, что

они не примкнут ни к какой комбинации (в форме ли декларации или какой-либо иной), если участником ее будет также СССР»⁸³. По сообщению советского полпреда во Франции Я. З. Сурица, Э. Даладье уже тогда предупреждал, что польская политика, в конце концов, доведет Польшу до раздела. Отрицательная позиция Польши, нерешительность и колебания Великобритании и Франции не позволили достичь какого-либо реального результата.

Что касается советского руководства, то оно добивалось обязывающих конкретных соглашений, не соглашаясь помогать Польше без всяких предварительных договоренностей в случае германской агрессии. Нарком М. М. Литвинов стал инициатором опубликования в начале апреля заявления ТАСС, в котором опровергалось наличие каких-либо обещаний или обязательств СССР по оказанию помощи Польше⁸⁴. В тот же день Литвинов записал беседу с польским послом В. Гжибовским: «Но ведь когда нужно будет, Польша обратится за помощью к СССР, вставил Гжибовский. На это я сказал, что она может обратиться, когда будет уже поздно, и что для нас вряд ли приемлемо положение общего автоматического резерва»⁸⁵. В чем-то слова Литвинова оказались пророческими. Еще более откровенно нарком определил советскую позицию в письме полпреду в Германии А. Ф. Мерекалову. Литвинов писал: «Мы отлично знаем, что задержать и приостановить агрессию в Европе без нас невозможно, и чем позже к нам обратятся за нашей помощью, тем дороже нам заплатят»⁸⁶. Идея платы партнеров за советскую помощь стала важной составной частью политической линии Кремля.

Тогда же, в конце марта, советское руководство обозначило некоторые свои геополитические приоритеты. Москва довела до сведения эстонского и латвийского правительств, что ранее заключенные с ними пакты и соглашения имели своей предпосылкой полную независимость и целостность Латвии и Эстонии. В случае попыток с чьей-либо стороны к уничтожению этой самостоятельности и целостности или добровольного отказа от независимости СССР намеревался пересмотреть свое отношение к указанным соглашениям.

Гитлеровская Германия со своей стороны усиливала нажим на Польшу. Как теперь известно, 3 апреля 1939 г. командование германских вооруженных сил приняло решение о подготовке нападения на Польшу (план «Вайс») к 1 сентября того же года. 11 апреля план военной кампании против Польши был утвержден. При этом в документе констатировалось: «Политическое руководство считает своей задачей по возможности изолировать Польшу в этом случае, т. е. ограничить войну боевыми действиями с Польшей»⁸⁸. 28 апреля А. Гитлер объявил об аннулировании пакта о ненападении с Польшей 1934 г., давая тем самым понять, что Германия не исключает отныне войну против восточного соседа.

Нарком Литвинов был прав, когда утверждал, что создать барьер против агрессии в Европе без Советского Союза было невозможно. В связи с наращиванием германского давления на Польшу и Румынию встал вопрос о привлечении СССР к англо-французской политике гарантий. В середине апреля 1939 г. Советский Союз получил официальные предложения Великобритании и Франции о сотрудничестве. Лондон предлагал дать одностороннюю советскую гарантию Польше и Румынии, а возможно, и другим лимитрофным государствам⁸⁹. Париж выступил с инициативой расширения советско-французского пакта о взаимопомощи на случай предоставления одной из сторон помощи Польше или Румынии⁹⁰. Вместе с тем Франция готова была поддержать и британское предложение.

Информируя И. В. Сталина об этих предложениях, М. М. Литвинов сделал характерную оговорку: «Если мы хотим вообще сотрудничать с Англией и Францией...»⁹¹. Эта оговорка наркома позволяет предположить наличие разногласий в советском руководстве по этой проблеме. Минимум советских требований Литвинов формулировал следующим образом:

- «1. Взаимное обязательство о помощи между Англией, Францией и Советским Союзом в случае агрессии против одного из этих государств в результате помощи, оказываемой этим государством какому-либо европейскому соседу СССР», включая Прибалтику и Финляндию.
2. Англия, Франция и СССР обязуются друг перед другом оказать помощь европейским соседям СССР.
3. Представители трех государств приступают немедленно к обсуждению и установлению размеров и форм помощи.
4. СССР, Англия и Франция обязуются не принимать решений и не заключать соглашений с другими государствами по вопросам, касающимся востока Европы, без общего согласия трех государств. Равным образом они обязуются не заключать мира с агрессорами отдельно друг от друга»⁹².

17 апреля развернутые и доработанные советские предложения, направленные на то, чтобы объединить британский и французский подходы, были переданы на рассмотрение Лондона и Парижа. Основными пунктами советских предложений стало заключение Великобританией, Францией, СССР соглашения о немедленной взаимопомощи, включая военную, в случае агрессии в Европе против любого участника соглашения; обязательства трех государств оказывать всяческую помощь, включая военную, восточноевропейским соседям СССР от Балтийского до Черного моря в случае агрессии против этих государств; безотлагательная выработка военной конвенции, подписываемой одновременно с политическим соглашением⁹³. Тем самым факти-

чески начались трехсторонние англо-франко-советские переговоры.

Советская позиция была направлена на формирование военно-политического союза трех стран с жесткими обязательствами по взаимопомощи и совместными гарантиями европейским соседям СССР. Реализация этой программы делала СССР равноправным участником решений по вопросам ситуации в Восточной Европе. Советские предложения означали гарантии европейским соседям СССР, но ничего не говорили о западных соседях Германии, кроме Франции.

Расхождения в позициях Великобритании, Франции и СССР были обусловлены и объективными, и субъективными факторами. Лондон и Париж уже проявили свою заинтересованность в недопущении дальнейшего усиления позиций Германии в Восточной и Юго-Восточной Европе, они уже связали себя определенными обязательствами в отношении Польши, Румынии, Греции. М. М. Литвинов подчеркивал: «Советское правительство свободно от всяких обязательств в отношении помощи Польше и Румынии, и ему теперь предлагают принять на себя односторонние обязательства, причем ему разъясняют, что это в его собственных интересах. Советское правительство, конечно, само отлично знает свои собственные интересы, знает также, что оно будет предпринимать и делать в соответствии с этими интересами»⁹⁴. К тому же Польша и Румыния выступали против советских гарантий и воспринимались в Москве как недружественные государства. Тем не менее, СССР последовательно поощрял Польшу к сопротивлению германским требованиям. Заместитель наркома В. П. Потемкин в ходе беседы с Ю. Беком 10 мая подчеркнул, что «СССР не отказал бы в помощи Польше, если бы она того пожелала»⁹⁵. Однако на следующий день посол В. Гжибовский заявил В. М. Молотову, что Польша не считает возможным заключение пакта о взаимопомощи с СССР⁹⁶.

Британское правительство не готово было принять советское предложение о создании широкого военно-политического альянса трех держав, способного «оттолкнуть» многих потенциальных союзников и сплотить членов антикоминтерновского пакта⁹⁷. Таким образом, для англо-французской стороны речь шла о затягивании переговоров, что могло, по мнению Лондона и Парижа, «удержать Германию от начала войны в 1939 г. и затруднить возможное советско-германское сближение»⁹⁸.

К этому добавлялись глубокая подозрительность и взаимное недоверие между Лондоном и Парижем, с одной стороны, и Москвой, с другой. Традиционную враждебность западных демократий к сталинскому режиму увеличивал эффект «большого террора» и массовых репрессий в СССР. Устойчивое недоверие к политике Великобритании и Франции, усиленное Мюнхеном, существовало и в Москве. Характерной была реакция на французские предложения полпреда

в Париже Я. З. Сурица. 11 апреля он писал в Москву, что ведь речь шла по существу о том, чтобы СССР принял на себя тяжелейшие обязательства без всякой взаимности и гарантии. «У меня нет никакой уверенности, что во время войны нас не предадут и не ударят нам в тыл». Поэтому, по мнению полпреда, надо было дать согласие на переговоры, но не идти ни на какие обязательства, без встречных гарантий. Сам Сталин не верил, что западные демократии окажут Советскому Союзу в определенных обстоятельствах военную помощь.

К сожалению, шанс достижения договоренностей на основе советских предложений был упущен руководителями западных держав. Лондон затягивал с ответом, считая, что «время еще не созрело для столь всеобъемлющего предложения»⁹⁹. Париж 25 апреля внес новые предложения, которые, по оценке М. М. Литвинова, выглядели «почти издевательски»: «Мы получим помощь лишь в том случае, если Англия и Франция по своей инициативе окажутся в конфликте с Германией, и они будут получать нашу помощь»¹⁰⁰. Несмотря на это, Литвинов делал все возможное, чтобы продолжать переговоры в позитивном духе. Первое предложение Франции он считал «принципиально приемлемым»; во втором предложении находил изменения «положительного характера» — если первоначально говорилось о помощи лишь Польше и Румынии, то в новом предложении речь шла о предупреждении всяких изменений, навязанных силой в Центральной или Восточной Европе¹⁰¹.

Линия М. М. Литвинова на достижение договоренностей с Великобританией и Францией (конечно, выгодных СССР) вызвала недовольство И. В. Сталина и В. М. Молотова. 21 апреля 1939 г. в кабинете Сталина в Кремле состоялось совещание, в котором участвовали некоторые члены политбюро, нарком Литвинов, его заместитель В. П. Потемкин, а также вызванные из Лондона и Берлина полпреды И. М. Майский и А. Ф. Меркалов. Обсуждался кардинальный вопрос о дальнейшем внешнеполитическом курсе страны. Политика Литвинова, ориентированная на союз с Великобританией и Францией, была подвергнута резкой критике. Со стороны главы правительства В. М. Молотова был сделан акцент на необходимость поиска альтернативных решений для укрепления внешнеполитического положения СССР, в том числе и рассмотрения возможностей улучшения отношений с гитлеровской Германией¹⁰².

По мнению некоторых российских исследователей, именно это совещание предприняло отставку М. М. Литвинова с поста наркома иностранных дел. 3 мая И. В. Сталин направил телеграмму двенадцати ведущим сотрудникам НКВД, в которой сообщил: «Ввиду серьезного конфликта между председателем СНК т. Молотовым и наркоминделом т. Литвиновым, возникшим на почве нелицеприятного отношения т. Литвинова к Совнаркому Союза ССР, т. Литвинов обра-

тился в ЦК с просьбой освободить его от обязанностей наркоминдела. ЦК ВКП(б) удовлетворил просьбу т. Литвинова и освободил его от обязанностей наркома. Наркоминделом назначен по совместительству Председатель СНК Союза ССР т. Молотов»¹⁰³.

Смещение М. М. Литвинова означало отход советского руководства от политики коллективной безопасности, курс на лавирование между противостоящими группировками на международной арене в стремлении к наиболее выгодным условиям соглашения. Не случайно большинство германских газет расценивали смену наркома «как конец Женевской политики и политики союзов с западными капиталистическими державами, проводившейся якобы прежним наркомом»¹⁰⁴.

Однако руководители Великобритании и Франции не проявляли понимания всей серьезности международной ситуации и необходимости поиска компромисса с СССР. Их новые предложения в конце апреля — начале мая сводились либо к оказанию Советским Союзом помощи Великобритании и Франции в связи с выполнением ими своих обязательств, либо к односторонним обязательствам СССР в поддержку этих гарантий¹⁰⁵. Оценка В. М. Молотовым англо-французских предложений была резко отрицательной: «Англичане и французы требуют от нас односторонней и даровой помощи, не берясь оказывать нам эквивалентную помощь»¹⁰⁶. Эта оценка отражала и позицию И. В. Сталина, который говорил Г. Димитрову 7 сентября 1939 г.: «Но англичане и французы хотели нас иметь в батраках и при том за это ничего не платить!»¹⁰⁷. Таким образом, советская концепция переговоров с Великобританией и Францией недооценивала наличие общей угрозы и общей заинтересованности в противостоянии потенциальной агрессии. Советский Союз должен был получить безусловные гарантии Лондона и Парижа, да еще и «дополнительную плату» за союз Москвы с ними. Советское руководство настаивало на принципе взаимности в деле взаимопомощи Великобритании, Франции и СССР и на распространении гарантий этих трех стран на все пограничные с Советским Союзом страны Восточной Европы¹⁰⁸.

Однако нарастание германского давления на Польшу, заключение 22 мая германо-итальянского союза подталкивало участников тройственных переговоров к их активизации. Эксперты британского министерства иностранных дел пришли к выводу, что англо-франко-советский договор являлся, возможно, «единственным средством предотвращения войны»¹⁰⁹. 27 мая представители Великобритании и Франции в Москве вручили В. М. Молотову проект тройственного соглашения о взаимопомощи против агрессии¹¹⁰.

В. М. Молотов публично признал, что англо-французские предложения означали «шаг вперед», ибо предусматривали «на случай прямого нападения агрессоров принцип взаимопомощи между Англией,

Францией и СССР на условиях взаимности»¹¹¹. Вместе с тем, в беседе с представителями Великобритании и Франции Молотов заявил об отрицательном отношении к предложенному документу, выдвигая различные замечания и оговорки. Основным нерешенным вопросам остался вопрос о гарантиях Финляндии, Эстонии и Латвии. «Во избежание недоразумений считаем нужным предупредить, что вопрос о трех Прибалтийских государствах является тем вопросом, без удовлетворительного решения которого невозможно довести до конца переговоры», — писал В. М. Молотов И. М. Майскому 10 июня¹¹².

2 июня В. М. Молотов вручил представителям Великобритании и Франции советский проект тройственного соглашения. Проект предусматривал «немедленную всестороннюю эффективную помощь» друг другу, если бы одно из договаривающихся государств оказалось втянутым в военные действия с европейской державой либо в результате агрессии со стороны этой державы против любого из трех государств, либо в результате агрессии против Бельгии, Румынии, Польши, Латвии, Эстонии, Финляндии, которые участники соглашения обязались бы защищать. Политическое соглашение должно было вступить в действие одновременно с договоренностями по военным вопросам¹¹³.

Политические переговоры трех держав вступили в решающую фазу. Британское правительство не готово было принять советские пожелания. Оно полагало неудобным прямо называть в договоре Латвию, Эстонию и Финляндию. Лондон считал также, что предложение Москвы об одновременном вступлении в силу политического пакта и военного договора могло бы затянуть завершение переговоров. Наконец, британское правительство испытывало сомнения в связи с предложенным Москвой принципом незаключения сепаратного мира¹¹⁴.

Вместе с тем британское и французское правительства для выполнения уже данных ими обязательств по гарантиям были заинтересованы в соглашении с Москвой. 8 июня британское правительство решило направить в Москву заведующего центральноевропейским департаментом Форин Офис У. Стрэнга для ускорения хода трехсторонних переговоров.

15 июня Молотову были переданы новые англо-французские формулировки по вопросам трехсторонних переговоров. Предусматривалась немедленная взаимопомощь трех государств в случае агрессии против одного из них, а также немедленная помощь Советского Союза Польше, Румынии, Бельгии, Греции, Турции «в случае нападения на них агрессора и вовлечения в связи с этим в войну Англии и Франции»¹¹⁵. Кроме того, в случае необходимости предусматривались немедленные консультации участников соглашения.

Советское руководство проанализировало англо-французские предложения и сочло их неприем-

лемыми. В. М. Молотов писал 16 июня полпредам И. М. Майскому и Я. З. Сурицу: «Англо-французские предложения, полученные вчера, в основном повторяют их предыдущие предложения. В частности, от нас требуют немедленной помощи известным пяти странам, но отказываются от немедленной помощи трем Прибалтийским странам ввиду будто бы их отказа принимать такую помощь. Это означает, что французы и англичане ставят СССР в унижительное неравное положение, с чем мы ни в коем случае не можем мириться»¹¹⁶.

В последующем тройственные переговоры сосредоточились вокруг списка гарантируемых государств, в частности на вопросе о гарантиях прибалтийским соседям СССР. К концу июня представители Великобритании и Франции согласились, что прибалтийские государства, Польша и Румыния являлись теми соседними европейскими государствами, неприкосновенность которых представляла один из элементов безопасности СССР. Для Франции и Великобритании такими соседними государствами являлись Бельгия, Нидерланды и Швейцария, на которые и предлагалось распространить гарантии трех держав. При этом французский посол предложил, чтобы страны, которым предоставлялись гарантии трех держав, были перечислены в отдельном документе, не подлежащем опубликованию¹¹⁷. К англо-французским предложениям был близок и советский проект от 8 июля 1939 г.¹¹⁸ При этом на определенных условиях СССР готов был участвовать в гарантиях Нидерландам и Швейцарии, с которыми у него не было дипломатических отношений.

Думается, что англо-французские и советские предложения создавали приемлемую основу для заключения тройственного соглашения о взаимопомощи и о гарантиях. 14 июля французский премьер-министр Э. Даладье заявил советскому полпреду: «Надо скорее кончать, тем более, что сейчас никаких серьезных разногласий я не вижу»¹¹⁹. Что касается Парижа, то французский посол П. Наджар писал из Москвы в начале июля: «Главная цель обсуждаемого договора состояла с самого начала в том, чтобы интегрировать СССР в нашу систему и сохранить его на нашей стороне как базу снабжения и возможной помощи Польше и Румынии. Эта цель кажется в настоящий момент достигнутой, если учитывать основные положения договора, по которым мы уже согласны с СССР»¹²⁰. Для заключения соглашения не хватало политической воли с обеих сторон. Советское руководство настойчиво добивалось для себя равноправия и некоторых «бонусов» в Восточной Европе. В то же время Кремль относился к этим переговорам весьма серьезно, добиваясь наиболее выгодных условий возможного соглашения. Великобритания стремилась избежать слишком жестких обязательств и сохранить некоторую свободу рук для параллельных контактов с Берлином. Можно согласиться с выводом, который делает С. З. Случ:

«Неудача англо-франко-советских переговоров — результат «упущенных возможностей» всех участников»¹²¹.

В сложившейся ситуации советское руководство избрало линию на затягивание переговоров, используя вопрос о «косвенной агрессии» и о связи политического соглашения с военной конвенцией. Тройственное соглашение должно было предоставить гарантии не только против непосредственного нападения, но и против «косвенной агрессии». Это понятие было раскрыто В. М. Молотовым 9 июля. Советский проект дополнительного письма к тройственному соглашению предлагал: «Выражение „косвенная агрессия“ относится к действию, на которое какое-либо из указанных выше государств соглашается под угрозой силы со стороны другой державы или без такой угрозы и которое влечет за собой использование территорий и сил данного государства для агрессии против него или против одной из договаривающихся сторон, — следовательно, влечет за собой утрату этим государством его независимости или нарушение его нейтралитета»¹²². Подобное определение «косвенной агрессии» было максимально широким и фактически предоставляло Советскому Союзу определенную свободу действий в сопредельных странах в кризисных ситуациях. Предложенная советская формулировка была совершенно неприемлемой для британской стороны, готовой пойти из-за нее даже на срыв переговоров¹²³. Перед надвигавшейся угрозой прямой гитлеровской агрессии дискуссии о «косвенной агрессии» не свидетельствовали о заинтересованности участников в скорейшем заключении тройственного пакта. В. М. Молотов признавал второстепенный характер расхождений, сохранявшихся по политическим вопросам¹²⁴.

В сложившейся ситуации советское руководство считало целесообразным перейти к рассмотрению конкретных военных проблем. Москва с апреля 1939 г. настаивала на подписании одновременно с политическим соглашением и военной конвенции. Британское и французское руководство в конце июля согласились направить в Москву миссии для ведения переговоров по военным вопросам¹²⁵. При этом британский министр Э. Галифакс рассчитывал на ответные советские уступки по вопросу об определении «косвенной агрессии»¹²⁶. Как бы то ни было, путь к тройственным военным переговорам в Москве был открыт. Тем не менее, в середине июля ситуация на тройственных переговорах заметно осложнилась.

Англо-французское предложение о том, чтобы сначала договориться о политической части договора и только затем перейти к военному соглашению вызвало резкую критику В. М. Молотова. Нарком писал советским полпредам в Лондон и Париж 17 июля: «Только жулики и мошенники, какими и ведут себя все это время господа переговорщики

с англо-французской стороны, могут теперь делать вид, прикидываясь, что будто бы наше требование одновременности заключения политического и военного соглашения является чем-то новым в переговорах... Видимо, толку из всех этих переговоров не будет и придется их послать к черту. Тогда пусть пеняют на себя»¹²⁷. Советское руководство настойчиво добивалось обязывающего военно-политического соглашения с определенными преимуществами для СССР в Восточной Европе.

К тому же именно в это время усилилось советское недоверие к мотивам и целям британской стороны. В период с 17 по 20 июля в Лондоне состоялись экономические переговоры между парламентским секретарем по делам заморской торговли Великобритании Р. Хадсоном и ответственным чиновником ведомства по осуществлению четырехлетнего плана Германии Х. Вольфатом, которые могли иметь неблагоприятные политические последствия для СССР. Кроме того, 22 июля в Токио было подписано англо-японское соглашение, которое улучшало позиции Японии в Китае и облегчало ей ведение войны против СССР¹²⁸. И Великобритания, и Советский Союз вели своеобразную «двойную игру», осуществляя параллельные контакты с Германией.

Понять ход тройственных переговоров невозможно без анализа развития отношений между СССР и Германией. В декабре 1938 г. германская сторона заявила о готовности возобновить торгово-кредитные переговоры. Эти переговоры начались в январе 1939 г., они проходили трудно и медленно. Складывается впечатление, что советское руководство ожидало какого-то политического шага со стороны Германии, но Берлин его не предпринимал. В марте 1939 г. М. М. Литвинов отмечал: «Германия сама не прочь использовать советский козырь в своей игре с Англией и Францией, но не решается на соответствующие политические жесты, которые она хочет заменить, если возможно, экономическим сближением»¹²⁹.

Поворот к советско-германскому сближению намечился в апреле 1939 г. Осторожный обоюдный зондаж возможностей улучшения отношений между Москвой и Берлином был осуществлен в ходе беседы полпреда А. Ф. Мерекалова со статс-секретарем МИД Германии Э. Вайцеккером 17 апреля. По советской версии записи беседы, германский дипломат, характеризуя состояние отношений между двумя странами, заявил: «Лучше, чем сейчас, они быть не могут... Вы знаете, у нас есть с Вами противоречия идеологического порядка. Но вместе с тем мы искренно хотим развивать с Вами экономические отношения»¹³⁰. По германской версии беседы, именно Мерекалов подчеркнул: «С точки зрения России, нет причин, могущих помешать нормальным отношениям между нами. А начиная с нормальных, отношения могут становиться все лучше и лучше»¹³¹. Этот зондаж вписывался в политику СССР и Германии. Что ка-

сается Москвы, то следует напомнить о совещании у И. В. Сталина 21 апреля 1939 г., на котором В. М. Молотов поставил вопрос о рассмотрении возможностей улучшения отношений с гитлеровской Германией. А в германском руководстве 11 апреля был утвержден план нападения на Польшу (план «Вайс»), включавший задачу ее изоляции. Весьма характерно и замечание советского представителя Г. А. Астахова в его письме В. М. Молотову от 14 июня: «Это, естественно, создало впечатление, что просоветский (условно выражаясь) маневр в германской политике последних двух месяцев задуман несколько глубже, чем могло многим казаться вначале»¹³². Таким образом, этот «просоветский маневр» начался именно в середине апреля 1939 г.

После отставки М. М. Литвинова в Берлине было решено активизировать зондажи СССР, но в ходе контактов в первой половине мая советская сторона отвечала, что улучшение двусторонних отношений зависит от Германии¹³³. Характерным эпизодом стала беседа германского посла в Анкаре Ф. фон Папена с советским полпредом в Турции А. В. Терентьевым 8 мая. Терентьев сообщил в Москву, что германский дипломат, «внешне проявляя приторную любезность, особо подчеркнул, что его лично „очень огорчает“ отсутствие сердечности во взаимоотношениях СССР и Германии, „тем более, что нет никаких вопросов, которые разделяли бы обе страны и создавали бы между ними противоречия“»¹³⁴. Еще более показательными были указания В. М. Молотова по поводу этой беседы. Нарком телеграфировал Терентьеву, что в отношении фон Папена «Вы взяли неправильный тон. Вам надо быть с ним таким же вежливым, как с французом или другим послом, не отворачиваться от него, выслушивать его заявления, если он захочет их сделать»¹³⁵.

Именно В. М. Молотов в мае 1939 г. сделал решающий шаг к политическому сближению с Германией. 20 мая в ходе обсуждения советско-германских экономических переговоров нарком заявил: «Мы пришли к выводу, что для успеха экономических переговоров должна быть создана соответствующая политическая база. Без такой политической базы, как показал опыт переговоров с Германией, нельзя разрешить экономических вопросов... Экономическим переговорам должно предшествовать создание соответствующей политической базы»¹³⁶. Такой подход оказался совершенно новым для германского руководства. На расспросы посла, в каком направлении могут быть улучшены политические отношения между двумя странами, он услышал в ответ, «что об этом надлежит подумать обоим правительствам»¹³⁷. Советский демарш встретил благоприятный отклик в Берлине. 22 мая И. фон Риббентроп в беседе с французским послом Р. Кулондром откровенно говорил, что германо-советское сближение является «неизбежным и необходимым, это соответствует природе вещей и традициям». Тогда же он заявил,

что польскому государству «предстоит рано или поздно исчезнуть, разделенному между Германией и Россией»¹³⁸.

Характерно, что 23 мая А. Гитлер, определяя военно-политические задачи, выделил «проблему Польши». Он заявил: «„Проблему Польши“ невозможно отделить от проблемы столкновения с Западом... Поэтому польский вопрос обойти невозможно; остается лишь одно решение — при первой подходящей возможности напасть на Польшу»¹³⁹. Тем не менее, контакты между Германией и СССР оставались очень осторожными, основная цель Берлина состояла в том, чтобы удержать Москву от сближения с Великобританией.

Ответ на демарш Молотова был дан статс-секретарем МИД Германии Э. Вайцеккером 30 мая. Он обратил внимание советского поверенного в делах Г. А. Астахова на некоторые положительные изменения в отношениях между СССР и Германией: «Эти моменты создают возможность дальнейшей нормализации отношений, и от Советского правительства зависит сделать выбор»¹⁴⁰. Тем самым, не отвергая возможность улучшения германо-советских отношений, Берлин не выдвинул никаких конкретных предложений. В процессе улучшения советско-германских отношений наступила пауза, хотя 21 июля двусторонние экономические переговоры были возобновлены.

В конце июля гитлеровское руководство приступило к завершающей фазе подготовки нападения на Польшу. Варшава не шла на уступки, и в случае попыток захвата Данцига Германией готова была воевать даже без союзников¹⁴¹. В то же время контакты с Лондоном не давали Берлину гарантий британского неучастия в грядущем конфликте. Весной–летом 1939 г. происходило объективное нарастание противоречий между Германией и Великобританией, что делало практически невозможным достижение компромисса между руководством двух стран. К тому же тройственные переговоры в Москве вызвали растущее беспокойство в Берлине.

В сложившейся ситуации гитлеровское руководство решило активизировать контакты с Москвой. 24 июля энергичный и обаятельный советник экономического департамента германского МИД К. Ю. Шнурре пригласил на беседу советского поверенного в делах Г. А. Астахова. По словам Шнурре, благополучное завершение торгово-кредитных переговоров должно было явиться лишь первым этапом улучшения двусторонних отношений. Второй этап мог бы состоять в улучшении отношений по линии прессы, культурных связей и т. п. «После этого можно будет перейти к третьему этапу, поставив вопрос о политическом сближении... Противоречий между СССР и Германией нет», — подчеркнул Шнурре¹⁴². Он развивал соображения о возможности улучшения советско-германских отношений во время обеда с советскими дипломатами 26 июля в элегантном

берлинском ресторане «Эвест». Шнурре поставил вопрос о продлении или освежении советско-германского политического договора¹⁴³. В последующие дни к переговорам подключился германский посол в Москве Ф. фон Шуленбург. 3 августа в беседе с В. М. Молотовым он подчеркнул: «Германское правительство уполномочило Шуленбурга заявить, что, по его мнению, между СССР и Германией не имеется политических противоречий»¹⁴⁴.

В ответе В. М. Молотова Г. А. Астахову отмечалась желательность «продолжения обмена мнений об улучшении отношений»; что касается других пунктов, то многое зависело от исхода торгово-кредитных переговоров в Берлине¹⁴⁵. Представители Германии форсировали переговоры и очень быстро поставили вопрос о фиксации в торговом договоре задачи улучшения политических отношений. По мнению Г. А. Астахова, немцы не прочь были бы «вовлечь нас в разговоры более далеко идущего порядка, производя обзор всех территориально-политических проблем, могущих возникнуть между нами и ими. В этой связи фраза об отсутствии противоречий „на всем протяжении от Черного моря до Балтийского“ может быть понята как желание договориться по всем вопросам, связанным с находящимися в этой зоне странами». Далее, остановившись на конкретных вопросах, Астахов подчеркивал: «Я думаю лишь, что на ближайшем отрезке времени они считают мыслимым пойти на известную договоренность в духе вышесказанного, чтобы этой ценой нейтрализовать нас в случае войны с Польшей». При этом имелось в виду отсутствие англо-франко-советского военно-политического соглашения¹⁴⁶.

Кремль благожелательно воспринял германские авансы. 29 июля В. М. Молотов писал Г. А. Астахову: «Между СССР и Германией, конечно, при улучшении экономических отношений могут улучшиться и политические отношения... Если теперь немцы искренне меняют вехи и действительно хотят улучшить политические отношения с СССР, то они обязаны сказать нам, как они представляют конкретно это улучшение»¹⁴⁷.

3 августа в советско-германские переговоры вступил И. фон Риббентроп. Германский министр в разговоре с Г. А. Астаховым подчеркнул: «Мы считаем, что противоречий между нашими странами нет на протяжении всего пространства от Черного моря до Балтийского. По всем этим вопросам можно договориться, если Советское правительство разделяет эти предпосылки, то можно обменяться мнениями более конкретным порядком»¹⁴⁸.

10 августа Г. А. Астахов информировал о кардинальном вопросе, поставленном германским руководством. Советский дипломат телеграфировал в Москву: «Со своей стороны германское правительство наиболее интересуется вопросом нашего отношения к польской проблеме. Если попытка мирно урегулировать вопрос о Данциге ни к чему не приведет

и польские провокации будут продолжаться, то, возможно, начнется война. Германское правительство хотело бы знать, какова будет в этом случае позиция Советского правительства»¹⁴⁹.

Таким образом, речь шла не просто об улучшении советско-германских отношений, а о позиции СССР в надвигавшемся вооруженном конфликте, вызванном агрессивными действиями Германии.

Для Кремля настало время принципиальных решений. Приходилось учитывать, что 5 августа британская и французская военные миссии выехали в СССР для ведения трехсторонних переговоров, которые начались в Москве 12 августа.

Имеющиеся данные позволяют сделать вывод, что именно в эти дни августа в Москве были приняты важные решения. 7 августа К. Е. Ворошилов зафиксировал инструкции, которые были даны ему для переговоров с военными миссиями Великобритании и Франции. Предположительно, инструкции были продиктованы И. В. Сталиным. Суть документа — «переговоры свести к дискуссии по отдельным принципиальным вопросам, главным образом о пропуске наших войск через Виленский коридор и Галицию, а также через Румынию... Если выяснится, что свободный пропуск наших войск через территорию Польши и Румынии является исключенным, то заявить, что без этого условия соглашение невозможно, так как без свободного пропуска советских войск через указанные территории оборона против агрессии в любом ее варианте обречена на провал...»¹⁵⁰. Учитывая отрицательное отношение Польши и Румынии к пропуску советских войск через их территорию, позиция Кремля обрекала тройственные военные переговоры на неудачу.

Французские дипломаты в Москве понимали важность этого вопроса. По прибытии британских и французских военных в Москву глава французской миссии генерал Ж. Думенк имел беседу с послом П. Наджиаром. «Привезли ли вы что-либо конкретное о проходе [советских войск] через Польшу? — сказал он мне. — Имеете ли вы заверения по этому вопросу? И поскольку я заметил, что у нас их нет, то он воскликнул: „Значит, они не читали и не поняли мои телеграммы! Это коренной вопрос дискуссий, и его не обойдешь“»¹⁵¹.

И действительно, после выяснения вопроса о полномочиях делегаций и после общего обмена мнениями советские представители 14 августа прямо поставили вопрос: «Будут ли пропущены советские войска через территории Польши и Румынии для соприкосновения с противником в случае нападения агрессора на Англию и Францию, на Польшу или Румынию, а также на Турцию». В ответ на попытки британцев и французских обойти эту проблему К. Е. Ворошилов «в качестве предварительного условия для ведения дальнейших переговоров ставит получение ясного ответа на вопрос о пропуске советских войск через территории Польши и Румынии»¹⁵².

После этого жесткого требования советского маршала был устроен перерыв. Выйдя в сад, глава британской делегации адмирал Р. Дракс сказал: «Я считаю, что наша миссия закончена»¹⁵³. Генерал Ж. Думенк признавал, что поставленные Ворошиловым вопросы были «совершенно законными»¹⁵⁴.

Французские военные и политические руководители были гораздо больше, чем британцы заинтересованы в достижении соглашения с Москвой. Они знали об отрицательном отношении Варшавы к праву прохода советских войск через польскую территорию. Но все же Париж предпринял отчаянную попытку спасти трехсторонние переговоры в Москве. 17 августа один из сотрудников Ж. Думенка капитан А. Бофр выехал в Варшаву, чтобы попытаться получить согласие польских руководителей на проход советских войск через Польшу в случае необходимости.

Однако польские военные руководители заняли сугубо отрицательную позицию. Главнокомандующий польской армией маршал Э. Рыдз-Смиглы и начальник генерального штаба генерал В. Стахевич заявили, что ни одно польское правительство не сможет рассматривать «какое-либо предложение, направленное на осуществление оккупации части польской территории русскими войсками, каковы бы ни были последствия этого отказа. Речь шла не столько о материальном вопросе, сколько о священном принципе, вытекавшем из политического завещания маршала Пилсудского: „С немцами мы рискуем потерять нашу свободу, а с русскими мы потеряем нашу душу“»¹⁵⁵. Польские деятели не верили ни в добрую волю советских руководителей, ни в их желание эффективно участвовать в военных действиях против Германии.

Только после объявления 21 августа о предстоящем визите германского министра И. фон Риббентропа в Москву новый нажим французского и британского военных атташе вынудил польское руководство дать уклончивый ответ относительно возможности сотрудничества с СССР. 23 августа посол Франции в Польше Л. Ноэль направил в Москву следующую телеграмму: «Уверены, что в случае общих действий против немецкой агрессии, сотрудничество между Польшей и СССР на технических условиях, подлежащих согласованию, не исключается (или: возможно). Французский и английский генеральные штабы считают, что существует необходимость немедленно изучить все варианты сотрудничества»¹⁵⁶.

Как отмечал посол Франции в Москве П. Наджар, «эта уступка происходит слишком поздно. Кроме того, она недостаточна, поскольку она не позволяет сослаться на решение самого польского правительства»¹⁵⁷. После заключения советско-германского пакта о ненападении тройственные переговоры потеряли всякий смысл, 25 августа они были прерваны.

Позиция польского руководства в августе 1939 г. трудно объяснима. Французский посол в Варшаве

Л. Ноэль подчеркивал, «что вопрос об ответственности Польши, над которой нависла большая, чем над кем-либо другим, угроза, причем речь идет о самом ее существовании, будет поставлен самым серьезным образом, если она будет упорствовать в чисто негативной позиции»¹⁵⁸.

Позиция Варшавы летом 1939 г. была связана с целым рядом ошибок и заблуждений. По мнению Ю. Бека, польско-советское сотрудничество могло бы ускорить удар Третьего рейха против Польши. Предположение, что И. В. Сталин не сможет договориться с А. Гитлером, стало главным просчетом польской политики этого периода. Польский историк М. Захариас отмечает: «Бек не предусмотрел, что Россия не даст себя изолировать, и что возникнет коалиция, которая не будет той, о которой он думал»¹⁵⁹.

Возвращаясь к решениям, принятым в Москве в первой половине августа 1939 г., следует отметить тот факт, что 11 августа, накануне начала переговоров военных миссий, политбюро решило «вступить в официальное обсуждение поднятых немцами вопросов, о чем известить Берлин»¹⁶⁰.

В условиях взаимной заинтересованности переговоры между Москвой и Берлином шли весьма энергично. 12 августа Г. А. Астахов сообщал из Берлина: «События развиваются быстро, и сейчас немцам явно не хотелось бы задерживаться на промежуточных стадиях в виде разговоров о прессе, культурном сближении и т.п., а непосредственно приступить к разговорам на темы территориально-политического порядка, чтобы развязать себе руки на случай конфликта с Польшей, назревающего в ускоренном темпе». Уже 13 августа германское руководство дало согласие на ведение переговоров об улучшении отношений между двумя странами в Москве и согласилось направить для этого лицо, близкое к фюреру. В памятной записке, врученной В. М. Молотову Ф. фон Шуленбургом 15 августа, подчеркивалось: «Реальных противоречий в интересах Германии и Советского Союза не существует. Жизненные пространства Германии и СССР соприкасаются, но в смысле своих естественных потребностей они друг с другом не конкурируют. Вследствие этого с самого начала отсутствует всякий повод для агрессивных тенденций одного государства против другого. Германия не имеет никаких агрессивных намерений против СССР. Германское правительство стоит на точке зрения, что между Балтийским и Черным морями не существует ни одного вопроса, который не мог бы быть разрешен к полному удовлетворению обеих стран. Сюда относятся вопросы Балтийского моря, Прибалтийских государств, Польши, Юго-Востока и т.п. Помимо того, политическое сотрудничество обеих стран может быть только полезным»¹⁶¹. В ответ Молотов поставил вопрос о заключении пакта о ненападении и о необходимости предварительно обсудить конкретные вопросы.

В беседе с Ф. фон Шуленбургом 17 августа В. М. Молотов изложил план действий советского руководства по развитию отношений с Германией. Первым шагом должно было стать завершение переговоров о торгово-кредитном соглашении. Вторым шагом могло бы стать «заключение пакта о ненападении или подтверждение пакта о нейтралитете 1926 г. с одновременным принятием специального протокола о заинтересованности договаривающихся сторон в тех или иных вопросах внешней политики с тем, чтобы последний представлял организационную часть пакта»¹⁶². Германское правительство со своей стороны настойчиво ставило вопрос об организации визита И. фон Риббентропа в Москву в ближайшие дни.

19 августа В. М. Молотов передал Ф. фон Шуленбургу текст проекта советско-германского пакта о ненападении с оговоркой, что пакт действителен лишь при одновременном подписании особого протокола. Германская сторона вновь настаивала на скорейшем визите Риббентропа в Москву, ссылаясь на то, что «в Берлине опасаются конфликта между Германией и Польшей»¹⁶³.

Кредитное соглашение между СССР и Германией было подписано в Берлине 19 августа 1939 г. А уже 21 августа А. Гитлер направил письмо И. В. Сталину. Рейхсканцлер принял советский проект пакта о ненападении. Он предложил в кратчайший срок согласовать вопросы, связанные с пактом и дополнительным протоколом. Гитлер настойчиво предлагал принять в Москве министра иностранных дел Германии И. фон Риббентропа не позднее 23 августа, подчеркнув, что «напряжение между Германией и Польшей сделалось нестерпимым»¹⁶⁴. Через два часа В. М. Молотов передал Ф. фон Шуленбургу ответное письмо Сталина Гитлеру, в котором советский лидер отметил, что согласие германского правительства заключить пакт о ненападении «создает базу для ликвидации политической напряженности и установления мира и сотрудничества между нашими странами». Правительство СССР дало согласие на приезд в Москву министра Риббентропа 23 августа¹⁶⁵.

По прибытии Риббентропа 23 августа в Москву в тот же вечер состоялись его переговоры с И. В. Сталиным и В. М. Молотовым. Обсуждался вопрос о разграничении сфер влияния двух государств. Немецкое предложение состояло во включении в советскую сферу Финляндии, Эстонии, восточной части Латвии (до реки Двина) и восточной части Польши до рубежа рек Нарева, Вислы, Буга и Сана. Сталин потребовал передачи в советскую сферу находящихся западнее намеченной линии латвийских портов Лиепаи и Вентспилса. Риббентроп быстро получил на это согласие А. Гитлера.

В ночь с 23 на 24 августа министры иностранных дел двух держав В. М. Молотов и И. фон Риббентроп подписали договор о ненападении между Германией

и Советским Союзом, а также секретный дополнительный протокол¹⁶⁶.

Советско-германский пакт о ненападении, датированный 23 августа 1939 г., вступал в силу немедленно после его подписания и заключался сроком на десять лет. Обе стороны обещали «воздерживаться от всякого агрессивного действия и всякого нападения в отношении друг друга как отдельно, так и совместно с другими державами». В случае, если одна из сторон окажется объектом военных действий со стороны третьей державы, другая сторона обязалась не поддерживать ни в какой форме эту державу. Характерно, что по настоянию германской стороны была снята оговорка о неприменении этого обязательства в случае, если бы один из участников договора сам стал инициатором военных действий. Гитлера она не устраивала, ибо советско-германский пакт заключался в преддверии агрессии нацистского рейха против Польши.

Неотъемлемой частью договора стал секретный дополнительный протокол о разграничении сфер интересов двух держав. Было зафиксировано, что «в случае территориально-политического переустройства областей, входящих в состав Прибалтийских государств», разграничение сфер интересов Германии и СССР пройдет по северной границе Литвы. «В случае территориально-политического переустройства областей, входящих в состав Польского Государства», разграничение сфер интересов Германии и СССР пройдет по линии рек Нарева, Вислы, Писсы и Сана. Участники пакта договорились выяснить в процессе дальнейшего политического развития вопрос о том, «является ли в обоюдных интересах желательным сохранение независимого Польского Государства и каковы будут границы этого государства». Кроме того, в протоколе подчеркивался интерес СССР к Бессарабии, а германская сторона заявила о полной политической незаинтересованности в этих областях.

Таким образом, по секретному протоколу в сферу интересов Советского Союза включались восточная часть Польши, Финляндия, Эстония, Латвия, Бессарабия (в сентябре 1939 г. к ним добавилась Литва в обмен на некоторые районы Польши).

Участники переговоров были очень довольны достигнутым. Советско-германский пакт был направлен на военно-политическое переустройство Европы, на раздел сфер влияния в восточной части Европы.

Нацистское руководство договором с Москвой, который оно так спешило подписать, частично решало задачу изоляции Польши в грядущей войне Германии против этого государства. Еще 23 мая 1939 г. А. Гитлер поставил задачу «при первом же подходящем случае напасть на Польшу. О повторении Чехии нечего и думать. Дело дойдет до военных действий. Задача — изолировать Польшу. Удача изоляции имеет решающее значение»¹⁶⁷. Заключением советско-гер-

манского пакта Гитлер добился договора, по которому СССР обязался не оказывать Польше помощь в случае войны и не содействовать Великобритании и Франции, если западные державы выполнили бы свои обязательства после германского нападения на Польшу. Гитлер не скрывал удовлетворения по поводу соглашения, достигнутого И. фон Риббентропом в Москве: ведь договор был заключен именно тогда, когда ему это более всего требовалось, приведя к серьезному улучшению международных позиций Германии. Советско-германское сотрудничество на основе пакта о ненападении было желательным и выгодным для Гитлера. По словам В. М. Молотова, оно «обеспечило Германии спокойную уверенность на Востоке», «Германия получила надежный тыл, что имело большое значение для развития военных событий на Западе»¹⁶⁸.

Что касается значения советско-германского пакта для СССР, то в российской историографии продолжают длиться дискуссии сторонников и противников этой акции.

Представляется, что можно говорить о некоторых принципиально неверных установках сталинского руководства в его международной деятельности накануне войны.

Во-первых, это непонимание характера и масштабов угрозы со стороны нацистской Германии, претендовавшей на порабощение Европы и установление мирового господства. И. В. Сталин и его окружение недооценивали опасность со стороны нацистской Германии, не усматривали существенной разницы между двумя группировками капиталистических государств. Более того, политика нацистской Германии представлялась им более гибкой и энергичной, чем политика буржуазных демократий. Поэтому гитлеровское руководство на каком-то этапе стало восприниматься как более удобный и надежный партнер на международной арене, а возможности достижения договоренностей с Великобританией и Францией не были использованы в полной мере. Сталин делал ставку на затяжной конфликт на Западе, который позволит ему играть роль «третьего радующегося». В беседе с Г. Димитровым 7 сентября 1939 г. он заявил, что война идет между двумя группами капиталистических стран за передел мира, за господство над миром. «Мы не прочь, чтобы они подрались хорошенько и ослабили друг друга», — сказал Сталин¹⁶⁹. События мая–июня 1940 г. показали несостоятельность этих расчетов.

Во-вторых, это геополитическое по своей сути мышление, стремление обеспечить безопасность страны за счет территориальных приобретений и сферы влияния. В действительности же в ситуации острого международного кризиса летом 1939 г. для подлинной безопасности гораздо важнее было объединить всех потенциальных противников блока агрессоров. Для достижения этой цели, очевидно, необходимы были уступки и компромиссы. Но ни

советское руководство, ни правящие круги Великобритании и Франции не проявили к этому последовательного стремления.

Принципиальные просчеты сталинского руководства явились основой курса на советско-германское сближение, выражением которого и стало заключение пакта о ненападении 23 августа 1939 г.

В свете новейших документов несостоятельным оказывается десятилетиями утверждавшийся советской пропагандой и историографией тезис о том, что договор дал Советскому Союзу передышку, позволил оттянуть начало войны. Это утверждение и в наши дни повторяется некоторыми историками. Так, М. Ю. Мягков утверждает, что договор «на какое-то время обеспечивал СССР гарантией от войны с Германией и ее реальными и потенциальными союзниками... С позиции сегодняшних знаний можно утверждать, что это было нежелательное, но единственно возможное решение для СССР в той конкретной международной обстановке»¹⁷⁰. Но не существует никаких свидетельств того, что германское руководство планировало войну против СССР осенью 1939 г. Нацистский рейх в тот момент не был готов к такой войне и всячески стремился ее избежать. Вместе с тем хорошо известная история разработки плана «Барбаросса» позволяет уверенно говорить о том, что А. Гитлер осуществил агрессию против СССР именно тогда, когда он ее подготовил и когда для этого сложились наиболее подходящие с его точки зрения условия. В. И. Дашичев отмечает: «Как Мюнхен не обезопасил Англию и Францию от гитлеровской агрессии, так и советско-германский пакт о ненападении имел для Советского Союза пагубные последствия. Это обернулось для него тяжелейшим поражением 1941 г.»¹⁷¹

Заключением советско-германского пакта И. В. Сталин выиграл не время, а территорию. Он считал соглашение с А. Гитлером более выгодным и осуществил эту сделку. Польский историк Э. Дурачински обоснованно утверждает: «От Западе Сталин мог получить много, но от Германии неизмеримо больше. Подписывая договор с Третьим рейхом, он мог рассчитывать на реальные территориальные приобретения у своих западных границ и отведение угрозы перерастания конфликтов и столкновения с Японией в полномасштабную войну»¹⁷².

Бесспорно, что советско-германский пакт о ненападении был тактическим выигрышем И. В. Сталина. СССР вошел в число ведущих держав, делавших мировую политику. Он сумел не допустить нового Мюнхена, добился территориальных приобретений. В результате, как утверждает М. И. Мельтюхов, исходя из тех целей, которые преследовало советское руководство, «это был вовсе не просчет, а желанный для него результат. Поэтому некоторые авторы считают пакт успехом советского руководства, которое смогло достичь своих целей»¹⁷³.

Есть основания считать, что если советско-германский пакт и был тактическим успехом Кремля, то весь курс на сотрудничество с Берлином стал стратегическим просчетом И. В. Сталина. Он позволил А. Гитлеру разгромить Польшу и выйти на общую границу с Советским Союзом. В последующем Германия получила возможность нанести поражение Франции, что лишало СССР потенциального союзника в Европе. Тактический выигрыш Сталина обернулся его стратегическим проигрышем к июню 1941 г.

Несостоятельными оказываются и утверждения, согласно которым в августе 1939 г. И. В. Сталин избежал войны на два фронта: против Германии и против Японии. Реальной угрозы со стороны нацистского рейха для СССР в тот момент просто не существовало. Что касается конфликта с Японией летом 1939 г. у реки Халхин-Гол, то 20 августа советские и монгольские войска перешли в решающее наступление, 23 августа они окружили 6-ю японскую армию, а 28 августа завершили ее разгром. Фактически этим вооруженный конфликт был уже завершён успешно для СССР.

Советская историография утверждала, что заключением советско-германского пакта И. В. Сталин избежал внешнеполитической изоляции СССР. Но о какой угрозе изоляции можно говорить в отношении периода, когда советское руководство вело переговоры с Великобританией и Францией, с одной стороны, и с Германией — с другой? На деле внешнеполитическое положение СССР летом 1939 г. было весьма благоприятным, и сталинское руководство имело широкое поле для маневра.

Наконец, нельзя не отметить, что подписанный В. М. Молотовым и И. фон Риббентропом секретный протокол противоречил нормам морали и международного права. Два государства не только разделили не принадлежавшие им территории на сферы влияния, но и поставили под вопрос само существование независимой Польши, признанного члена международного сообщества. Бесспорно, что при этом нарушался ряд советско-польских соглашений, в частности Рижский мирный договор 1921 г., двусторонний договор 1932 г. о ненападении, протокол 1934 г. Делалась циничная ставка на силу при пренебрежении интересами других государств.

Поэтому в декабре 1989 г. Съезд народных депутатов СССР констатировал, что предпринятые в советско-германских секретных протоколах 1939–1941 гг. «разграничения „сфер интересов“ СССР и Германии и другие действия находились с юридической точки зрения в противоречии с суверенитетом и независимостью ряда третьих стран». Съезд осудил факт подписания секретного дополнительного протокола. Он признал «секретные протоколы юридически несостоятельными и недействительными с момента их подписания»¹⁷⁴.

Как уже было отмечено, советско-германский пакт о ненападении был выгоден А. Гитлеру. Однако, по нашему мнению, нет никаких оснований считать, что пакт стал решающим шагом к развязыванию Второй мировой войны. Хорошо известно, что принципиальное решение осуществить нападение на Польшу не позднее 1 сентября гитлеровское руководство приняло еще в апреле 1939 г., то есть до начала серьезных контактов с СССР. В секретной директиве Гитлера утверждалось: «Вмешательство России, если бы она была на это способна, по всей вероятности, не помогло бы Польше, так как это означало бы уничтожение ее большевизмом»¹⁷⁵.

Последние дни августа 1939 г. были наполнены лихорадочными дипломатическими маневрами. При этом британское руководство стремилось политико-дипломатическим нажимом заставить А. Гитлера отказаться от начала войны, вернуть его за стол переговоров¹⁷⁶. В эту политическую линию вписывалось и заключение соглашения о взаимопомощи между Великобританией и Польшей 25 августа¹⁷⁷. Однако Лондону удалось лишь отсрочить гитлеровское нападение на Польшу до 1 сентября. Что касается германских усилий, то они были последовательно направлены на то, чтобы нейтрализовать Великобританию на случай германо-польской войны. Тем не менее, добиться этого Гитлеру не удалось.

1 сентября нацистская Германия напала на Польшу. 3 сентября Великобритания и Франция, выполняя обязательства перед Польшей, объявили войну Германии. Началась Вторая мировая война.

Бесспорно, основным поджигателем войны стала гитлеровская Германия, а также ее союзники. Именно А. Гитлер сделал ставку на территориальную экспансию и агрессию, на установление германского господства в Европе, а затем и преобладание в мире.

Западные державы, и в первую очередь Великобритания, проводили порочную политику умиротворения агрессора, рассчитывая установить новый международный порядок с участием гитлеровской Германии. На деле эта политика поощряла агрессоров, позволила им без сопротивления Запада осуществить слом Версальской системы.

Советское руководство стремилось предотвратить новый Мюнхен, не допустить масштабного соглашения Великобритании и Франции с Германией без участия СССР. Недооценка угрозы со стороны гитлеровской Германии, неготовность к разумным компромиссам обусловили неудачу тройственных англо-франко-советских переговоров весной-летом 1939 г.

В сложной международной ситуации сталинское руководство предпочло заключить договор о ненападении с гитлеровской Германией в августе 1939 г. и пойти с Берлином на раздел сфер интересов в Восточной Европе. Договор о ненападении и секретный

дополнительный протокол стали тактическим успехом И. В. Сталина, но его стратегическим просчетом. Договор был выгоден А. Гитлеру и позволил ему связать Вторую мировую войну в благоприятных для него условиях.

Предвоенный международно-политический кризис дал яркие примеры неадекватности и политических просчетов, следования устаревшим догмам и нежелания осознать принципиально новые явления в международной обстановке.

- ¹ Документы внешней политики СССР (далее — ДВП). Т. XVIII. Док. № 146. С. 235.
- ² См.: Мельтюхов М. И. Упущенный шанс Сталина. Советский Союз и борьба за Европу: 1939–1941. М., 2000. С. 89–93.
- ³ См.: Сидоров А. Ю., Клейменова Н. Е. История международных отношений, 1918–1939 гг. М., 2006; Наумов А. О. Дипломатическая борьба в Европе накануне Второй мировой войны. История кризиса Версальской системы. М., 2007.
- ⁴ The History of Polish Diplomacy X–XX c. Warsaw, 2005. P. 499.
- ⁵ Архив внешней политики Российской Федерации (далее — АВП РФ). Ф. 05. Оп. 17. Папка 133. Д. 81. Л. 134.
- ⁶ Там же. Оп. 18. Папка 137. Л. 118–119.
- ⁷ ДВП СССР. Т. XXI. Док. № 82. С. 129.
- ⁸ АВП РФ. Ф. 05. Оп. 18. Папка 149. Д. 166. Л. 5.
- ⁹ Там же. Л. 4–5.
- ¹⁰ ДВП СССР. Т. XXI. Док. № 87. С. 132.
- ¹¹ Цит. по: Дашичев В. И. Стратегия Гитлера — путь к катастрофе, 1933–1945: исторические очерки, документы и материалы. М., 2005. Т. 1. С. 383.
- ¹² АВП РФ. Ф. 05. Оп. 18. Папка 148. Д. 159. Л. 62.
- ¹³ ДВП СССР. Т. XXI. Док. № 216. С. 309–310.
- ¹⁴ Там же. Док. № 232. С. 333.
- ¹⁵ АВП РФ. Ф. 05. Оп. 18. Папка 149. Д. 168. Л. 77.
- ¹⁶ Цит. по: Дульян А. Мюнхенская конференция 1938 года, 70 лет спустя // Международная жизнь. 2008. № 8–9. С. 20.
- ¹⁷ АВП РФ. Ф. 05. Оп. 18. Папка 149. Д. 166. Л. 24.
- ¹⁸ Иван Михайлович Майский. Дневник дипломата. Лондон, 1934–1943. Книга 1: 1934 — 3 сентября 1943. М.: Наука, 2006. С. 239.
- ¹⁹ Дашичев В. И. Стратегия Гитлера — путь к катастрофе, 1933–1945: исторические очерки, документы и материалы. Т. 1. С. 411.
- ²⁰ ДВП СССР. Т. XXI. Док. № 324. С. 470.
- ²¹ См.: Документы по истории мюнхенского сговора. 1937–1939. М., 1979. Док. № 138. С. 228–230.
- ²² ДВП СССР. Т. XXI. Док. № 356. С. 500.
- ²³ Документы по истории мюнхенского сговора, 1937–1939. Док. № 154. С. 246.
- ²⁴ Иван Михайлович Майский. Дневник дипломата. Лондон, 1934–1943. Книга 1: 1934 — 3 сентября 1943. С. 275.
- ²⁵ Кульков Е. Н., Ржешевский О. А. Глава 1. Истоки нового мирового конфликта // Мировые войны XX века. Книга 3. Вторая мировая война. Исторический очерк. М.: Наука, 2002. С. 42–43.
- ²⁶ ДВП СССР. Т. XXI. Док. № 369. С. 520.
- ²⁷ Там же. Док. № 366. С. 516.
- ²⁸ Там же. Док. № 371. С. 522.
- ²⁹ Год кризиса. 1938–1939. Документы и материалы. Т. 1. Док. № 102. С. 173.
- ³⁰ Христофоров В. С. Мюнхенское соглашение — пролог Второй мировой войны (по архивным материалам ФСБ России) // Новая и новейшая история. 2009. № 1. С. 45.
- ³¹ Документы по истории мюнхенского сговора, 1937–1939. Док. № 216. С. 329–331.
- ³² ДВП СССР. Т. XXI. Док. № 405. С. 559. Док. № 407. С. 560–561.
- ³³ Год кризиса. 1938–1939. Документы и материалы. Т. 1. М., 1990. Док. № 6. С. 32–34.
- ³⁴ Там же. Док. № 5. С. 31–32.
- ³⁵ Там же. Док. № 7. С. 35.
- ³⁶ Там же. Док. № 10. С. 38–39.
- ³⁷ Там же. Док. № 10. С. 37.
- ³⁸ Politika. 24.01.2009.
- ³⁹ См.: Документы по истории мюнхенского сговора, 1937–1939. С. 389 (примечание).
- ⁴⁰ Дурачински Э. Внешняя политика Польши (1939–1941): условия, возможности, цели и результаты // Международный кризис 1939–1941 гг.: от советско-германских договоров 1939 г. до нападения Германии на СССР. М., 2006. С. 157.
- ⁴¹ Read A., Fisher D. The Deadly Embrace. Hitler, Stalin and the Nazi-Soviet Pact 1939–1941. London, 1988, p. 31.
- ⁴² ДВП СССР. Т. XXI. Док. № 417. С. 576.

- ⁴³ Там же. Док. № 403. С. 557.
- ⁴⁴ Кульков Е. Н., Ржешевский О. А. Глава 1. Истоки нового мирового конфликта. С. 41.
- ⁴⁵ СССР, Восточная Европа и Вторая мировая война, 1939–1941: дискуссии, комментарии, размышления. М.: Наука, 2007. С. 173.
- ⁴⁶ Год кризиса. 1938–1939. Документы и материалы. Т. 1. Док. № 2. С. 29.
- ⁴⁷ Там же. Док. № 75. С. 136–137.
- ⁴⁸ Ширер У. Взлет и падение третьего рейха. Т. 1. М.: Воениздат, 1991. С. 459.
- ⁴⁹ ДВП СССР. Т. XXI. Док. № 432. С. 598–600.
- ⁵⁰ Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 17. Оп. 162. Д. 24. Л. 38, 48.
- ⁵¹ ДВП СССР. Т. XXI. Док. № 466. С. 648–649.
- ⁵² Там же. Док. № 468. С. 650–651.
- ⁵³ Год кризиса. 1938–1939. Документы и материалы. Т. 1. Док. № 64. С. 118–119.
- ⁵⁴ Там же. Док. № 37. С. 77–78.
- ⁵⁵ Там же. Док. № 189. С. 283.
- ⁵⁶ ДВП СССР. Т. XXII. Кн. 1. Док. № 151. С. 202–204.
- ⁵⁷ Год кризиса. 1938–1939. Документы и материалы. Т. 1. Док. № 188. С. 280.
- ⁵⁸ Урбшис Ю. Литва в годы суровых испытаний, 1939–1940. Вильнюс, 1989. С. 14.
- ⁵⁹ ДВП СССР. Т. XXII. Кн. 1. Док. № 147. С. 198.
- ⁶⁰ Год кризиса. 1938–1939. Документы и материалы. Т. 1. Док. № 209. С. 308.
- ⁶¹ Там же. Док. № 43. С. 85.
- ⁶² Politika. 24.01.2009.
- ⁶³ Год кризиса. 1938–1939. Документы и материалы. Т. 1. Док. № 102. С. 168–174.
- ⁶⁴ Там же. Док. № 103. С. 175–176.
- ⁶⁵ The History of Polish Diplomacy X — XX с. Р. 511.
- ⁶⁶ Цит. по: Дашичев В. И. Стратегия Гитлера — путь к катастрофе, 1933–1945: исторические очерки, документы и материалы. Т. 1. С. 186.
- ⁶⁷ Год кризиса. 1938–1939. Документы и материалы. Т. 1. Примечания. С. 386
- ⁶⁸ Там же. Док. № 245. С. 350–351.
- ⁶⁹ Год кризиса. 1938–1939. Документы и материалы. Т. 1. Примечания. С. 390.
- ⁷⁰ Там же. Док. № 254. С. 361.
- ⁷¹ Там же. Док. № 266. С. 378.
- ⁷² Там же. Док. № 267. С. 379.
- ⁷³ Там же. Док. № 230. С. 335.
- ⁷⁴ XVIII съезд Всесоюзной коммунистической партии (б). 10–21 марта 1939 г. Стенографический отчет. М.: ОГИЗ, 1939. С. 12–15.
- ⁷⁵ Год кризиса. 1938–1939. Документы и материалы. Т. 1. Док. № 248. С. 355.
- ⁷⁶ Там же. Док. № 198, 200. С. 294, 295.
- ⁷⁷ Там же. Док. № 210, 215. С. 310, 314.
- ⁷⁸ Там же. Док. № 215. С. 314.
- ⁷⁹ См.: Документы и материалы по истории советско-польских отношений. Т. VII. Док. 11. С. 34–38.
- ⁸⁰ ДВП СССР. Т. XXII. Кн. 1. Док. № 129. С. 174.
- ⁸¹ Там же. Док. № 183. С. 233–235.
- ⁸² АВП РФ. Ф. 06. Оп. 1. Папка 13. Д. 143. Л. 19.
- ⁸³ ДВП СССР. Т. XXII. Кн. 1. Док. № 187. С. 239.
- ⁸⁴ См.: Известия. 1939. 4 апреля.
- ⁸⁵ Год кризиса. 1938–1939. Документы и материалы. Т. 1. Док. № 251. С. 359.
- ⁸⁶ ДВП СССР. Т. XXII. Кн. 1. Док. № 199. С. 252–253.
- ⁸⁷ Там же. Док. № 180. С. 231.
- ⁸⁸ Год кризиса. 1938–1939. Документы и материалы. Т. 1. Док. № 265. С. 375–378.
- ⁸⁹ ДВП СССР. Т. XXII. Кн. 1. Док. № 221. С. 273–274.
- ⁹⁰ Год кризиса. 1938–1939. Документы и материалы. Т. 1. Док. № 269. С. 380–381.
- ⁹¹ ДВП СССР. Т. XXII. Кн. 1. Док. № 224. С. 278.
- ⁹² Там же. С. 277–278.
- ⁹³ Там же. Док. № 229. С. 283–284.

- ⁹⁴ Там же. Док. № 223. С. 276–277.
- ⁹⁵ Год кризиса. 1938–1939. Документы и материалы. Т. 1. Док. № 332. С. 444.
- ⁹⁶ ДВП СССР. Т. XXII. Кн. 1. Док. № 298. С. 356–357.
- ⁹⁷ См.: Коробочкин М.Л. Документы кабинета министров Великобритании об англо-франко-советских переговорах 1939 г. // Предвоенный кризис 1939 года в документах / Институт всеобщей истории РАН. М., 1992. С. 77–78.
- ⁹⁸ Мельтюхов М.И. Упущенный шанс Сталина. Советский Союз и борьба за Европу, 1939–1941. С. 76.
- ⁹⁹ ДВП СССР. Т. XXII. Кн. 2. Примечания. С. 544.
- ¹⁰⁰ Там же. Кн. 1. Док. № 259. С. 315.
- ¹⁰¹ Там же. Док. № 229, 259. С. 283, 315.
- ¹⁰² Очерки истории Министерства иностранных дел России. Т. 2. 1917–2002 гг. М., 2002. С. 236.
- ¹⁰³ ДВП СССР. Т. XXII. Кн. 1. Док. № 269. С. 327.
- ¹⁰⁴ Там же. Кн. 2. Док. № 905. С. 472.
- ¹⁰⁵ Год кризиса. 1938–1939. Документы и материалы. Т. 1. Док. № 305, 327. С. 413–414, 438–439.
- ¹⁰⁶ ДВП СССР. Т. XXII. Кн. 1. Док. № 284. С. 342.
- ¹⁰⁷ Димитров Г. Дневник (9 март 1933 — 6 февруари 1949). София, 1997. С. 182.
- ¹⁰⁸ Год кризиса. 1938–1939. Документы и материалы. Т. 1. Док. № 343. С. 459.
- ¹⁰⁹ Там же. Т. 2. Примечания. С. 396.
- ¹¹⁰ Год кризиса. 1938–1939. Документы и материалы. Т. 1. Док. № 380. С. 380–381.
- ¹¹¹ Там же. Док. № 386. С. 527.
- ¹¹² Там же. Т. 2. Док. № 396. С. 17.
- ¹¹³ Год кризиса. 1938–1939. Документы и материалы. Т. 2. Док. № 387. С. 5–6.
- ¹¹⁴ Иван Михайлович Майский. Дневник дипломата. Лондон, 1934–1943. Книга 1: 1934 — 3 сентября 1943. С. 409.
- ¹¹⁵ Год кризиса. 1938–1939. Документы и материалы. Т. 2. Док. № 407. С. 33–34.
- ¹¹⁶ Там же. Док. № 408. С. 34–35.
- ¹¹⁷ Там же. Примечания. С. 398–399.
- ¹¹⁸ Там же. Док. № 465. С. 88–92.
- ¹¹⁹ ДВП СССР. Т. XXII. Кн. 1. Док. № 426. С. 543.
- ¹²⁰ Год кризиса. 1938–1939. Документы и материалы. Т. 2. Док. № 462. С. 85.
- ¹²¹ СССР, Восточная Европа и Вторая мировая война, 1939–1941. Дискуссии, комментарии, размышления. С. 173.
- ¹²² Год кризиса. 1938–1939. Документы и материалы. Т. 2. Док. № 467. С. 90.
- ¹²³ Панкрашова М. Англо-франко-советские переговоры 1939 года // Международная жизнь. 1989. № 8. С. 33–34.
- ¹²⁴ Год кризиса. 1938–1939. Документы и материалы. Т. 2. Док. № 496. С. 123.
- ¹²⁵ Там же. Док. № 506. С. 141.
- ¹²⁶ ДВП СССР. Т. XXII. Кн. 1. Док. № 436. С. 567.
- ¹²⁷ Документы и материалы кануна второй мировой войны, 1937–1939. Т. 2. М., 1981. Док. № 82. С. 139–140.
- ¹²⁸ См.: Фляйшхауэр И. Пакт. Гитлер, Сталин и инициатива германской дипломатии. 1938–1939. М.: Прогресс, 1991. С. 211–212.
- ¹²⁹ ДВП СССР. Т. XXII. Кн. 1. Док. № 129. С. 174.
- ¹³⁰ Там же. Док. № 236. С. 292–293.
- ¹³¹ СССР — Германия 1939. Документы и материалы о советско-германских отношениях с апреля по октябрь 1939 г. Вып. 1. Вильнюс, 1989. Док. № 1. С. 11.
- ¹³² ДВП СССР. Т. XXII. Кн. 1. Док. № 370. С. 464–465.
- ¹³³ Мельтюхов М.И. Упущенный шанс Сталина. Советский Союз и борьба за Европу: 1939–1941. С. 66.
- ¹³⁴ Архив Президента Российской Федерации (далее — АП РФ). Ф. 3. Оп. 64. Д. 673. Л. 1.
- ¹³⁵ Там же. Л. 3.
- ¹³⁶ ДВП СССР. Т. XXII. Кн. 1. Док. № 326. С. 386–387.
- ¹³⁷ АП РФ. Ф. 3. Оп. 64. Д. 673. Л. 8.
- ¹³⁸ Белоусова З.С. Предвоенный кризис 1939 года в освещении французских дипломатических документов // Предвоенный кризис 1939 года в документах. С. 11.
- ¹³⁹ Год кризиса. 1938–1939. Документы и материалы. Т. 1. Док. № 371. С. 493–495.
- ¹⁴⁰ Там же. Док. № 384. С. 518–522.
- ¹⁴¹ Там же. Т. 2. Док. № 488. С. 112–113.
- ¹⁴² ДВП СССР. Т. XXII. Кн. 1. Док. № 434. С. 554–556.
- ¹⁴³ Год кризиса. 1938–1939. Документы и материалы. Т. 2. Док. № 503. С. 136–138.

- 144 Там же. Док. № 525. С. 160.
- 145 АП РФ. Ф. 3. Оп. 64. Д. 673. Л. 68.
- 146 ДВП СССР. Т. XXII. Кн. 1. Док. № 455. С. 585–586.
- 147 Год кризиса. 1938–1939. Документы и материалы. Т. 2. Док. № 511. С. 145.
- 148 Там же. Док. № 523. С. 157–158.
- 149 Там же. Док. № 538. С. 182–183.
- 150 ДВП СССР. Т. XXII. Кн. 1. Док. № 453. С. 584.
- 151 Service historique de l'armée de terre (Paris). Fonds 7 No. 3185. Mission Doumenc 1939. Général Doumenc. Souvenirs de la mission en Russie. P. 57
- 152 ДВП СССР. Том XXII, книга 1, док. № 506, стр. 665.
- 153 Service historique de l'armée de terre (Paris). Fonds 7 No. 3185. Mission Doumenc 1939. Général Doumenc. Souvenirs de la mission en Russie. P. 76.
- 154 Service historique de l'armée de terre (Paris). Fonds 7 No. 3185. Mission Doumenc 1939. Général Doumenc. Souvenirs de la mission en Russie. P. 76.
- 155 Service historique de l'armée de terre (Paris). Fonds 7 No. 3185. Mission Doumenc 1939. Général Doumenc. Souvenirs de la mission en Russie. P. 100–101.
- 156 Год кризиса. 1938–1939. Документы и материалы. Т. 2. Док. № 597. С. 316.
- 157 Там же. Док. № 599. С. 317.
- 158 Там же. Док. № 600. С. 318.
- 159 Захариас М. Предпосылки и мотивы политики Ю. Бека в 1939 году // Советско-польские отношения в политических условиях Европы 30-х годов XX столетия. М., 2001. С. 230.
- 160 1939 год: уроки истории. М., 1990. С. 485.
- 161 ДВП СССР. Т. XXII. Кн. 2. Приложение. С. 581–582.
- 162 Там же. Кн. 1. Док. № 470. С. 609–612.
- 163 ДВП СССР. Т. XXII. Кн. 1. Док. № 474. С. 615–619.
- 164 Год кризиса. 1938–1939. Документы и материалы. Т. 2. Док. № 582. С. 302.
- 165 Там же. Док. № 583. С. 303.
- 166 ДВП СССР. Т. XXII. Кн. 1. Док. № 484, 485. С. 630–632.
- 167 Цит. по: Дашичев В. И. Стратегия Гитлера — путь к катастрофе, 1933–1945: исторические очерки, документы и материалы. Т. 1. С. 180.
- 168 ДВП СССР. Т. XXIII. Кн. 2. Ч. 1. Док. № 498. С. 45.
- 169 Димитров Г. Дневник (9 март 1933 — 6 февруари 1949). С. 181–182.
- 170 Мягков М. Ю. От Мюнхенского соглашения до советско-германского договора от 23 августа 1939 г.: предыстория вопроса // Международный кризис 1939–1941 гг.: от советско-германских договоров 1939 г. до нападения Германии на СССР. С. 58.
- 171 Дашичев В. И. Стратегия Гитлера — путь к катастрофе, 1933–1945: исторические очерки, документы и материалы. Т. 1. С. 13.
- 172 Дурачински Э. Внешняя политика Польши (1939–1941): условия, возможности, цели и результаты // Международный кризис 1939–1941 гг.: от советско-германских договоров 1939 г. до нападения Германии на СССР. С. 160.
- 173 Мельтюхов М. И. Упущенный шанс Сталина. Советский Союз и борьба за Европу: 1939–1941. С. 81.
- 174 1939 год: Уроки истории. С. 497.
- 175 Год кризиса. 1938–1939. Документы и материалы. Т. 1. Док. № 265. С. 376.
- 176 Подробнее см.: Там же. Т. 2. Примечания. С. 406–407.
- 177 Там же. Док. № 606. С. 323–326.